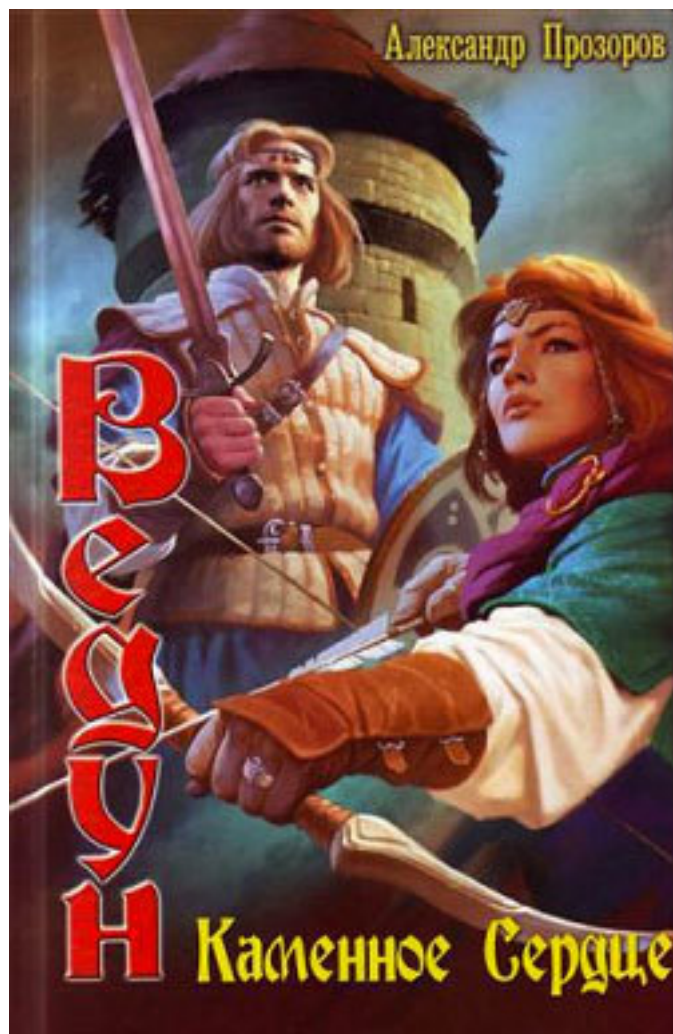

Александр Прооров

В
Е
Д
У
Н

Каменное Сердце

Ведун

Александр Прозоров

Каменное сердце

«Автор»

2007

Прозоров А. Д.

Каменное сердце / А. Д. Прозоров — «Автор», 2007 — (Ведун)

Олегу Середину по прозвищу Ведун необходимо спасти ни в чем неповинную красавицу Роксалану от колдунов. Ведуну придется скрестить свой меч с гномами, великанами, железными монстрами, болотной нежитью, познать власть и плен. Но с самым страшным врагом Ведуну предстоит сразиться, на границе знаменитой Булгарии. Имя этого врага – Люди...

© Прозоров А. Д., 2007

© Автор, 2007

Содержание

Дорога к дому	5
Ужин у костра	31
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Александр Прозоров

Каменное сердце

Дорога к дому

Снег далеко вокруг зеленого идола Итшахра был почти сплошь истоптан, перемешан с сажей и золой, из-за чего он приобрел серый цвет подтаявшего городского сугроба. Ровная площадка у ног бога смерти оказалась намного чище – но и здесь на старательно подметенном камне лежали три ровные кучки подернутых белым налетом углей. Ведун присел на колени, опустил руку, не забывая настороженно оглядываться по сторонам. Ладонь ощутила безнадежный влажный холод – огонь погас минимум полдня назад.

Олег выпрямился, с облегчением покачал головой:

– Проклятый Аркаим! Обманул. Опять обманул. Решил поиздеваться, нервы помотать. Старый перечник...

В памяти всплыл сладострастный рассказ колдуна: «...Вспорол я им обоим животы, выпустил кишки и велел связать между собой, после чего их гоняли плетью по кругу, пока они не упали. Затем я велел раздробить им камнями руки и ноги, после чего порезать на мелкие кусочки, начиная со ступней...»

Законный правитель Каима смаковал все подробности кровавой казни, как истинный знаток – редкое выдержанное вино. Трудно было не поверить. Однако же нигде вокруг вырезанного в камне истукана ведун почему-то не обнаружил ни единого темного пятнышка.

– Что там, Олежка?

– Ничего. Если бы Любоводу и Ксандру, как рассказывал колдун, выпустили кишки, а потом гоняли по кругу, потом резали на куски – тут бы все, все вокруг было в крови. А камень сухой. Только уголь и зола.

С души у него разом упала огромная тяжесть. Теперь можно было не беспокоиться за судьбу друзей. Похоже, им удалось вырваться из цепких лап жестокого повелителя Каима.

– Может, в плен взял?

– Нет, не брал, – покачал головой Олег. – Старый негодяй рассказывал, что добирался до Руси два или три года. Ксандр кормчий. Если бы Аркаим его захватил, то был бы у Новгорода этим же летом.

Он снова с облегчением вздохнул. Древний колдун редко совершал глупости. И уж, конечно, не был таким дураком, чтобы убить единственных возможных проводников в русские земли. Разве только сгоряча, когда увидел, что Урсула исчезла прямо из-под жертвенного ножа. Но тогда здесь остались бы следы казни.

– Никого он не взял и никого не убил, – решительно рубанул ладонью воздух Олег. – Все вранье. Ребята сбежали. Смылись, когда он потерял бдительность. Молодцы! Раз так, то и нам лучше уходить.

– Куда?

– Домой. – Отвернувшись от зеленого идола, ведун быстрым шагом направился к лошадям. – Я ведь здесь не в первый раз, Роксалана. Теперь я знаю, как отсюда выбраться. Ворон живет возле Мурома. Придем к нему, и он отправит нас восвояси.

– А это где?

– Это здесь, совсем рядом... – Олег поднялся в седло, подобрал поводья заводных коней. – Пустяк, всего три или четыре месяца пути. Поехали.

Не дожидаясь, пока закутанная в меховые балахоны девушка заберется на своего скакуна, ведун спустился на лед реки и тут же сорвался в стремительную рысь. Роксалана смогла догнать

его в галопе только через четверть часа. Сбавила шаг, пристраиваясь стремя к стремя. Чего было не отнять у директора по продвижению и маркетинговому обеспечению фирмы «Роксойлделети» – она умела не только кататься на горных лыжах, лазить по горам, разговаривать на четырех языках и «немножко» управлять вертолетом, но и отлично держалась в седле. Одно слово – «золотая» молодежь. Далекий богатый папенька на свою единственную дочку денег не пожалел.

– Куда ты гонишь, коли еще три месяца впереди? – недоуменно фыркнула девушка. – Можно подумать, пять минут что-нибудь изменят. А я из-за тебя чуть ноготь не сломала!

– Деточка, а ты не забыла, что у тебя уже второй месяц один глаз синего цвета, а другой – зеленого? – не поворачивая головы, поинтересовался Середин. – И что есть как минимум два правителя – они же весьма неплохие колдуны, – которые хотят такую красавицу наполовину убить, наполовину принести в жертву?

– Ну, ты гад, Олежка, – скривилась Роксалана. – Сперва мне глаза поменял, а теперь сам же над этим глумишься!

– Я тебя предупреждал, – напомнил ведун. – Но ты заявила, что любишь приключения. Вот теперь и не чирикай. Моли лучше бога, чтобы мы зашхериться успели, пока никто не хватился пропавших стражников.

– Ты мне голову-то не морочь! – внезапно встрепенулась девушка. – Я ведь знаю, что они не меня ищут, а эту, как ее... Ну, на «У» ее фамилия. Уренгой, что ли? А я тут ни при чем.

– Про царя Ирода ни разу не слыхала? – ласково спросил Середин.

– Библия-то тут при чем? – пожала плечами Роксалана.

– А при том, деточка, – довольно ухмыльнулся Олег, – что, когда дело идет о государственных интересах, любой правитель предпочтет грохнуть тысячу невинных, нежели упустить одну опасную личность. А тут – всего одна красотка с разноцветными глазами... Нужно быть полным идиотом, чтобы не перестраховаться. Чик ножом по горлу – и никаких сомнений.

– Врешь ты все, – уже без прежнего энтузиазма парировала спутница. – За свою шкуру боишься. Обманываешь всех вокруг, вот каждый второй тебя убить и хочет.

– Вот тут ты ошибаешься, милая моя, – поправил на голове меховой капюшон Середин. – Как раз я им нужен живой. Иначе им в жизни не проведать, куда пропала настоящая Урсула. Да и вообще, оба чародея отлично знают, что от меня следует ждать сюрпризов. А мертвому очень трудно задавать вопросы. Можно, естественно, но неудобно. Ни пальцы покойнику в тиски не зажмешь, ни пятки на углях не поджаришь. В общем, никаких аргументов.

– Так я и знала! – обрадовалась Роксалана. – Так с самого начала и поняла. Вот оно, мурло твое какое! Так и норовишь за чужую спину спрятаться. Меня, значит, на пытки сдать хочешь, а сам – весь в белом остаться? Ничего, папа тебя найдет. Он тебя из-под земли достанет. Он за меня весь мир перевернет, хоть ты колдуй, хоть ты на картах гадай, хоть умри, хоть в землю заройся...

Куда еще обычно прячутся несчастные жертвы генерального директора «Роксойлделети», Олег дослушать не сумел. Справа, на северном берегу Сакмары, высунув макушку на лед, лежала сломавшаяся под тяжестью обильного зимнего снега сосна. Не снижая скорости, ведун направил свой небольшой караван к ней, пронесся мимо самой верхушки, прошел еще с полкилометра, после чего решительно повернул назад.

– Чего, заблудился? – поинтересовалась спутница.

– Следы замечаем, – кратко пояснил Середин и вновь пустил скакуна рысью.

Несколько минут спустя он промчался назад вдоль левого берега, развернулся, по старому следу добрался до сосенки, спешил и, ведя лошадей в поводу, вдоль самых ветвей свернул в лес через сугроб почти по пояс высотой.

– Ага, ты еще махоркой посыпь, чтобы собаки в этом ущелье заплутали, – прокомментировала его старания Роксалана, однако последовала примеру Середина.

Уведя коней за ближайшую ель, ведун сломал ветку лапника, вернулся, засыпал дорожку, тщательно разметал слипшиеся комья, время от времени постукивая по сосне и стряхивая белые хлопья с ее кроны. Отступил, критически окинул взглядом получившуюся картину. Следы небольшого конного отряда шли вдоль макушки, заманивая возможных преследователей вниз по течению. Наст близ упавшего дерева был поврежден – но ведь девственную снежную равнину могла разрушить и крона сосны, с которой осыпался весь иней. Раз осыпался – значит, упала недавно. Маскировка не идеальная – но если внимательно к рухнувшей лесине не приглядываться, то сойдет. Авось до ближайшего снегопада никто неровным сугробом не заинтересуется.

В безветренном лесу, заросшем густыми елями, наносы поднимались почти по грудь, и первый час дорогу приходилось буквально пробивать конской грудью, меня скакунов местами каждые десять минут, благо все лошади двигались под седлами. Потом путь пошел наверх, под кроны прозрачного соснового бора. Здесь ветер утрамбовал снег в плотную массу немногим выше колена. Олег довольно быстро одолел почти две версты дороги, перевалив пологую гряду и оказавшись в неглубокой долине.

– Все! – прыгнул он возле пушистой от инея рябинки, склонившейся над двумя обледенелыми валунами. – Итак, смеркается. Нужно дров приготовить и с барахлом разобраться. Ты как, Роксалана, расседлать сможешь? А я пока валежника собираю.

– Ладно, – вздохнула девушка, – разберусь. Иди, развлекайся.

Разбивать лагерь в четыре руки оказалось намного проще, нежели одному. К тому времени, когда ведун натаскал достаточно объемистую кучу сухих веток, чтобы хватило на костер, его спутница успела освободить коней от поклажи и упряжи и даже догадалась связать им ноги, а сама, путаясь в длинных штанинах широких меховых шаровар, пыталась прыгать с одним из мечей:

– Я – Зена, королева варваров! Хуг, хаг! На колени, несчастный, не то мой верный меч пронзит тебя насквозь!

– Осторожнее, не порежься, деточка, – посоветовал Олег и принялся утаптывать площадку для костра. – Это мужская игрушка.

– Думаешь, женского ума не хватит с вашими ножичками обращаться? – тут же вскинулась Роксалана. Она пригнулась, широко расставив ноги и направив клинок вперед: – Да я не хуже тебя драться умею! У меня, может, черный пояс по карате!

– Да хоть по шахматам, – пожал плечами Середин, укладывая в шалашик тонкие веточки и подсовывая снизу бересту. – Ты, главное, пальцы береги. А то ведь он настоящий.

– Ах так?! Уау-у! – взмахнула клинком девушка. – Ты половой шовинист, Олежка! Я вызываю тебя на бой!

– Кто я? – не расслышал ведун.

– Гендерный шовинист! Угнетатель женщин! Выходи на честный бой, трус несчастный!

– Ну, ладно, – ухмыльнулся Олег, извлек из ножен свой клинок и встал в дуэльную позицию для фехтования на шпагах: вытянув меч вперед в правой руке. Роксалана, грозно гикнув, повторила его жест и... И ее оружие медленно опустилось, уткнувшись в снег.

– От, черт! – Она перехватила меч в левую руку, тряхнула правой: – Чуть плечо не вывихнула. Тяжелый.

– Вот именно. – Ведун снова присел к костру, достал огниво. – Для мужских игр, помимо ума, еще обычная тупая сила требуется. Так что, если твоя Зена кем-то у варваров и была, – он ехидно подмигнул спутнице, – то только не королевой.

– Любимым оружием Зены, между прочим, было метательное кольцо. – Девушка опять попыталась взмахнуть мечом, испуганно ойкнула, и клинок с легким шелестом упал в снег у нее за спиной. – Вот. Она его метала издалека.

– Какая разница? Я, между прочим, кузнец по основной специальности. И каждый день по восемь часов полупудовым молотом работаю. Это не считая постоянных тренировок. Хоть ты кольцом кидайся, хоть кирпичом, хоть бумерангом – я свой булыжник все равно дальше метну. Супротив природы не попрешь... – Середин раздул упавшую на трут искру, запалил от нее тонкий кусочек бересты, сунул его под «шалашик», выпрямился и стал ломать сучья валежника. – Да, кстати. Тем двуручным мечом, которым твоя Зена машет, словно куриной косточкой, даже я орудовать не возьмусь. Тяжеловат-с...

– Хочешь сказать, женщины ни на что не годятся? – Роксалана подобрала оружие, оперлась на рукоять двумя руками.

– Самое страшное женское оружие, леди...

– Знаю, знаю! Ее красота. Опять эта пошлость!

– ...Это заколка для волос, – невозмутимо продолжил ведун. – Никогда не знаешь, в какой момент она свой миниклинок выдернет и кому в горло вонзит. Сколько правителей этими шпильками переколото! И не перечить. А еще есть нож, кистень, засапожник. Ну, и широко открытые наивные глазки с хлопающими ресницами. Меч же ты лучше обратно в сумку сунь. Таскать эту тяжесть муторно, а пользы тебе от него никакой. Косточки у тебя для этого инструмента, извини, слишком тонкие.

– Сам ты тощий, как оглобля деревенская! – моментально парировала девушка. Еще с минуту она упрямо размахивала клинком, удерживая его двумя руками, но потом-таки сдалась и сунула его в ножны. Пояс с оружием, правда, затянула у себя на талии, собрав трофейный налатник в широкие складки.

Олег же, сложив над разгорающимся «шалашом» толстые сучья, принялся осматривать взятые поутру трофеи. Пять кольчуг, пять мечей, поясные наборы, ножи, седла, щиты. Что же, весьма неплохо. Все это стоит хороших денег, есть с чего жизнь в этом мире начать. Одежда, правда, порченная – Роксалана права, стрелять дозорным следовало в лоб. Но это исправимо. Достаточно добраться до ближайшего селения, продать четыре клинка и купить себе что-нибудь приличное, а спутнице – хотя бы по размеру. Только, разумеется, не до каимовского городка, а какого-нибудь чужого. А то ведь вместо мошны с монетами недолго и осину с пеньковой петлей получить.

– Хорошо хоть союзников у них нигде вокруг не осталось, – вслух пробормотал Середин. – На Сакмару не выдадут. Так, что тут еще? Лепешки с рубленным мясом... А здесь? Птичка безногая. Похоже, утка. А у этого? Капуста с яйцом и морковкой и сало... Да, все ясно. Надолго ребята не собирались, припаса взяли всего разок перекусить. Спасибо, хоть соль с перцем прихватили. Ага, у этого хоть что-то имеется. Овес и ячмень. Для торб. Но мы не брезгливые, сами слопаем. Коли пояса затянуть, на недельку хватит.

– Чего говоришь? – присела рядом девушка.

– Два мешка кожаных нашел. Воды надо лошадям дать, сейчас снега растоплю. Ну, и себе вскипятим. А перекусим всухомятку. Ты на диете не сидишь, случайно? Может, тебе капустки оставить?

– Ага, нашел дурочку! Половина курицы моя!

– Сейчас, костер разгорится – согрею.

– Брось ты, Олежка, – отобрала она утку. – Я уже тысячу лет как ничего не ела. И так сойдет.

– Ага, тысячу лет вперед, – тихо поправил ведун. – Та-ак... Пожалуй, оставшиеся штаны и тряпье я пушу на подстилку, а тулупом и налатниками мы укроемся. Ветра тут нет, можно и без шалаша обойтись.

Спутница, как ни странно, насчет общей постели возражать не стала. Видимо, поняла: когда спишь в верхней одежде, за свою честь можно особо не беспокоиться. А может, просто сообразила, что вместе теплее, и всю ночь тыкалась курносой сопелкой к нему в подбородок.

На рассвете Олег поднялся первым, снова разжег костер. Плотнo набил в одну из торб чистого белого снега и пристроил над языками пламени, потом оседлал скакунов, повесил заводным на холку сумки. Когда девушка соизволила раскрыть разноцветные очи, путникам оставалось только доесть холодную капустную закуску, запить кипятком – и можно было подниматься в стремя.

– Хорошо-то как, – подняла лицо к голубому небу Роксалана, когда лошади начали тропить дорогу. – Тихо, солнечно, и воздух сладкий-сладкий! А тепло, как летом. Ей-богу, Олежка, кругом снег, а хочется раздеться и позагорать.

– Весна, – пожал плечами Середин. – Мы тут, помнится, как раз ледохода дожидались, когда заваруха случилась. Думаю, сейчас где-то апрель.

– Прямо как в сказке про двенадцать месяцев, – скинула шапку девушка и тряхнула головой, распуская выцветшие от химии волосы. – Улетала в лето, а попала в зиму. Хотела на лыжах в горах покататься, а оказалась на лошадях среди чащобы. Я, между прочим, давно мечтала в верховой поход отправиться, да все никак не получалось. И вот на тебе – пришла радость, откуда не ждали!

– Я рад, что хоть чем-то смог тебе угодить, – склонил голову ведун.

– Честно говоря, – поджала губы спутница, – я бы предпочла обычную турпутевку.

– Разве по путевке можно получить настоящее приключение? – не удержался от укола Середин.

– Не произноси больше при мне этого слова, – попросила Роксалана. – Укушу!

Лошади тем временем поднялись на очередной взгорok и замедлили шаг: снега здесь оказалось опять почти по пояс, и каждый метр пути давался с трудом. Часа три, меняя скакунов и обходя поваленные деревья, путники пробивались вниз. Когда же прорвались наконец через густой заиндевший осинник, случилось чудо: впереди открылся тонкий, в две ладони, наст с множеством окруженных ледяными стенами пропешин. Местами даже проглядывала жухлая прошлогодняя трава.

– Ты смотри, Олежка! – изумилась девушка. – А здесь будто уже и вовсе май! Мы на юг едем или на север?

– Скачем на север, а склон южный. Солнце уже теплое. Вот и протаивает за день там, где тени нет. Все, привал. Будем останавливаться на ночлег.

– Ты чего, с ума сбрендил? – не поняла спутница. – Мы же еще и десятка километров не прошли!

– Какая разница? – Середин спешил и решительно отпустил подпругу. – Ты вчера птичкой полакомилась, а с утра капусткой подкрепилась. Они же только по паре горстей мерзлой травы из-под снега нарыли. Лошадям тоже есть охота. Пусть хоть здесь чего пощиплют, благо земля наружу выпирает. Коли падут с голодухи, нам тоже к людям вовек не выбраться.

– Так нам чего теперь, целый день тут ждать, пока они пасутся? – не поверила своим ушам девушка.

– Они вчера весь день под седлом провели, – напомнил Олег. – И ночь в снегу ковырялись. Имей совесть, дай скотине брюхо набить.

– Да пускай, мне не жалко... – Роксалана спешила в некоей задумчивости, отпустила подпругу своей лошади, перешла к заводной, оглянулась. – Мы что же, так теперь и пойдем в день по чайной ложке?

– Природу не перехитрить, – развел руками ведун. – Или ты лошадь кормишь и едешь куда хочешь, или она пасется сама, но стоит на месте. Сейчас не лето, когда везде трава по пояс, за пару часов лошадь на лугу не напасется.

– Ни хрена себе! – закончила она мыслительный процесс и решительно вскинула подбородок. – Да мы с такой скоростью до Мурома года три добираться будем!

– Ерунда, – отмахнулся Олег. – В три-четыре месяца уложимся. Нам бы только до Белой добраться. Реки, в смысле. А там, вниз по течению – до Болгарии, к Волге. За Волгой же до Мурома и вовсе рукой подать. Дороги найденные, дворы постоянные на каждом перепутье, люди свои, что от Сварогова корня роды ведут. Я дома по атласу из любопытства смотрел, тут от Сакмары до Белой всего километров сто, за полмесяца доберемся. Ну, и еще пару недель на половодье скинем. Его где-то придется пересидеть.

– Дурак ты, колдун, и двойка у тебя по географии! – раздраженно сплюнула Роксалана. – Хоть бы у меня спросил, коли сам такой тупой. Возле Оренбурга от Урала до Самары всего десять верст! За три часа запросто пройти можно. А Самара, коли не знаешь, в ту же самую Волгу впадает, только чуть ниже по течению.

– Твоего Оренбурга еще лет семьсот и в проекте не ожидается, деточка, – покачал головой Середин, – и место, где он стоять будет, ныне фиг узнаешь. Так что точку, откуда к Самаре сворачивать, ты вряд ли найдешь. К тому же, в этом мире все дороги по рекам идут – что зимой, что летом. Разве только между большими городами иногда тракты протаптываются. Летники, зимники. Но здесь места дикие, порубежье, ничего такого нет. Посему и погоня за нами наверняка вверх и вниз по Сакмаре ушла. На реке мы бы наверняка еще вчера попались. А уж сегодня – точно.

– Чего же мы тогда расселись? Если наш поворот с реки заметят, за час сюда доберутся! За нами след размером с просеку остался!

– Лошади, Роксалана, лошади, – напомнил Середин. – На голодных скакунах все равно никуда не уйдешь. Пока сил не наберутся, придется ждать.

– Это ты потому так, Олежка, что тебе ничего не грозит, – тут же повысила голос спутница, – а вот меня убить могут! Господи, чего я только за последнее время из-за тебя, козла, не натерпелась! И пытали, и били, и насильовали... почти. А тебе все – трын-трава!

– Без коней мы все равно пропадем, – пожал плечами ведун. – Впереди, за перевалом, скорее всего опять сугробы, траву не разрыть. Останутся голодными – ослабнут. Могут сдохнуть.

– А я читала, что монголы на своих скакунах за одну зиму всю Русь с боями обошли, – вдруг встрепенулась Роксалана. – И они тоже траву из-под снега рыли! Если те мерины могли, почему эти не могут?

– Ты эти сказки для студентов-гуманитариев оставь, – усмехнулся ведун. – Они, может, и поверят. А вот лошади – вряд ли. Ты лучше ляг, отдохни, на солнышке позагорай. Тебе ведь хотелось?

– Да иди ты со своим загаром! – передернула плечами спутница. – Какой отдых, если в любой момент может погоня появиться?

– Берег длинный, внимательно весь не осмотришь. – Олег кинул на землю сложенные вдвое штаны, сел сверху, положил рядом прядки конских волос, аккуратно срезанных понемногу из хвостов у разных скакунов, и принялся старательно скручивать из них нити. – Да и не поверит никто, что мы с дороги свернули. Мы же тут чужаки, никаких троп знать не можем, схронов не имеем. Гнаться станут, пока коней не запарят. Дня три-четыре. Потом назад повернут. Еще несколько дней. Коли до того времени наш поворот и не занесет, какая погоня на усталых лошадях? Домой все едино пойдут, за свежими. Это еще день, а то и два. Вот и считай. Мы за то время либо совсем пропадем, либо выберемся. Так что грей свое пузико спокойно. Ему пока ничего не грозит.

– У меня нет никакого пузика! – рыкнула Роксалана. – У меня ровный и красивый, накачанный живот. По три часа шейпинга в день, между прочим!

– Да ну? – поднял глаза Олег. – Покажешь?

– Вот тебе, котяра похотливый! – Директор «Роксойлделети» по маркетингу показала ему два худосочных кулачка и отвернулась к лошадям. Не просто отвернулась, а стала снимать

седла и сумки, отирать снегом со спин и боков пот и грязь. Видимо, занятия на ипподроме приучили девушку заботиться о скакунах при любом настроении.

Ведун вернулся было к своему неторопливому занятию, но тут спутницу осенила новая мысль:

– Подожди, Олежка... Ты по какому атласу дорогу выбирал? Автомобильных дорог? С координатами плюс-минус лапоть? Ты уверен, что сможешь найти эту самую Белую реку?

– Легко. Нам главное за водораздел уйти, верст на пятьдесят. Там свернем на первый встречный ручей и двинем вниз по течению. По ту сторону гор любая водичка рано или поздно до Волги дотечет. Главное – успеть как можно дальше до ледохода уйти. Пока вокруг холодно, и нежить с нечистой спит, под ногами не путается, и по льду, как по автостраде, двигаться легко. Ни камней, ни буреломов, ни перевалов.

– Подожди! – чуть не подпрыгнула Роксалана. – Ты же колдун, Олежка! Ты ведь того... мертвецов оживлял, облака разгонял, нас из вертолета в эту тьму-таракань перекинул. Так ты это, возьми нас прямо в Муром и перенеси! Чего зазря ноги топтать?

– Легко сказать, – вздохнул ведун. – Закон сохранения энергии помнишь? Его еще никто не отменял. Даже для чародеев. Чтобы перенести объект с места на место, нужно потратить определенное количество энергии. Чтобы ее потратить, ее нужно где-то взять. Некоторые берут эту силу у мертвецов, растрчивая то, что человек копил всю жизнь, некоторые высасывают ее у живых, кто-то копит свет, кто-то тратит пищу, сжигает нефть или дрова. А когда под рукой нет ничего, приходится ходить ножками. Природу не обманешь, забесплатно даже кошки не родятся.

– Ты чего, других слов не знаешь? – фыркнула девушка. – Заладил про свою природу... Что, хочешь сказать, другие маги перемещаться с места на место не умеют?

– Некоторые могут, – признал Середин. – Раджаф, например, из зеркала в зеркало ходить умеет, у Аркаима кристалл специальный есть, Ворон какие-то снадобья готовит. Но они все равно тратят силу. Зеркало нужно предварительно в нужное место привезти, кристалл заряжается от мертвецов, Ворон просит силу у богов...

– Да ладно мне лапшу на уши вешать! – отмахнулась Роксалана. – Скажи просто, что ничего не умеешь. Маг-недоучка. Двоешник. Географии не знаешь, стрелять не умеешь, перемещаться не способен. И чего я с тобой связалась?

– Я тебя силком не держу, деточка, – вскипел Олег. – Не нравится – ступай на все четыре стороны.

– Ишь, какой умный! – возмутилась спутница. – Верни, где взял, а уж потом права начинать качать! Расскажу папе, как ты надо мной изгаляешься, он тебе быстро мозги прочистит. Никакое колдовство не спасет. Зараза, что за время такое? Ни телефонов, ни вертолетов, ни такси! Просто каменный век какой-то!

– Зато почта есть, – ухмыльнулся Середин. – Выруби свою кляuzu на скале – папочка через тысячу лет прочтает. Главное, буквы в е-мейле не перепутай.

– Как же, вырубишь с тобой! У тебя, небось, даже карандаша за пазухой не имеется, не то что зубила. Господи, с кем я связалась?! Сидела бы сейчас в гостинице, пила шампанское, общалась с приличными людьми.

– Ничего, зато я могу осуществить одну твою мечту.

– Это какую?

– Смею уверить, – хмыкнул Середин, – если мы вернемся, в конный поход тебе больше не захочется до самого конца жизни.

– Ты бы лучше помог, трепло базарное. Любишь кататься, люби и коней чистить.

– Я и помогаю, – вернулся к конским волосам Олег. – У нас еды всего дня на три набирается. Попробую силки вечером расставить. Авось хоть зайчатинкой разживемся.

Однако путникам не повезло, за ночь в расставленные возле проталин петли никто не угодил. На рассвете ведун собрал свои немудреные ловушки, и небольшой караван снова двинулся в путь.

Пологий склон поднимался на протяжении почти пятнадцати километров. Снега было мало, но дорога приготовила другой неприятный сюрприз: чем выше они оказывались, тем больше выпирало из земли голых гранитных валунов и скалистых уступов. Поначалу камни удавалось объезжать, потом скакунам пришлось идти прямо по ним. Опасаясь, что лошади переломают ноги в трещинах и расселинах, Олег спешил и зашагал впереди, расчищая снег и проверяя дорогу, прокладывая извилистую безопасную тропу. Непроходимых завалов впереди не попало, однако темп движения упал до скорости сонной улитки, и ночевать привелось всего в десятке километров от прежней стоянки, причем на голодный желудок: ни травы для коней, ни дров для костра среди скал не нашлось.

К вечеру нового дня путники перевалили седловину между двумя остроконечными скалами, и дорога стала еще хуже. Мало того, что под ногами оставались все те же камни, так ведь на них теперь лежал слой снега почти метровой толщины. Измученные люди вместе с лошадьми жевали утрамбованный ветрами наст, чтобы утолить хотя бы жажду. Роксалана тихо шептала проклятия в адрес ведуна, придумывая для него казни пострашнее. Кони, скорее всего, думали примерно так же, но не могли выразить свои пожелания вслух. Утешало одно: как очень надеялся Середин, позади остался водораздел, рассекающий воду на ту, что положена для Урала, и на ту, которой начертано влиться в великий Итиль, ныне именуемый многими смертными русской Волгой-матушкой.

На рассвете Олег заметил слева внизу темное пятно, свернул к нему, и к сумеркам караван добрался до небольшой каменистой площадки, поросшей уродливыми карликовыми соснами. Кони, перестав слушаться поводыев, тут же принялись ошипывать на деревьях смолистые почки и пахучие зеленые иглы. Середин, наковыряв в снегу охапку хвороста, исхитрился сварить на куцем костерке несколько пригоршней ячменя, щедро приправив его мелко нарезанным салом.

– Боже мой, какая вкуснятина! – в полном изумлении принялась наворачивать импровизированную кашу Роксалана. – Никогда не думала, что ячмень с салом дают такой сказочный букет! Когда вернусь, прикажу на кухне готовить мне такой завтрак каждый день. И папку обязательно угощу. Представляю, как ему понравится!

– Не обожгись, – посоветовал Середин, глядя, как мелькает ложка в ее руках. – У нас даже йода нет, язык тебе помазать.

– Черт с тобой, Олежка, я тебя прощаю, – снизошла до повара девушка. – За такое угощение можно сто грехов отпустить. Попрошу папу, чтобы тебя без наказания пристрелили. Шлеп – и никаких мучений.

Наверное, в ее устах это была высшая возможная награда.

За следующий день путники пробились вниз километров на пять. Каменные россыпи остались позади, по обе стороны от тропы покачивались ольховые и рябиновые ветви, под снегом вновь появилась трава – да только сами сугробы опять поднялись до уровня груди. Усталые голодные лошади отказывались пробивать эту стену своим телом, предпочитая грызть низкие веточки, и Олег, пользуясь щитом как лопатой, прорывал путь для всех. А много ли нароет за день один человек, пусть даже и в относительно рыхлом снегу?

Счастье пришло в полдень нового дня. Выбравшись из тени на противоположный склон ущелья, путники резко оказались посреди зеленого оазиса. На южный склон здешних гор уже ступила весна: снег стаял почти целиком, тут и там тоненькими волосиками проглядывала наружу ярко-зеленая трава, а на отдельных кочках белыми сугробами распустились густо растущие подснежники.

– Все, падаем! – решительно потребовал Середин. – Два дня отдыха. Лошадям – чтобы попасться, людям – чтобы отлежаться. Когда еще так с привалом повезет...

Небо оставалось таким же прозрачно-голубым, как в первый день их похода, ветер в глухое, заброшенное ущелье заглядывать ленился. Отогревшись в весенних лучах дерева пахли медом и кардамоном. Зависшее над противоположной вершиной солнце припекало так, что Олег сразу разделся по пояс и откинулся на вывернутый мехом наружу тулуп.

– Отвернись, охальник! – потребовала Роксалана, отошла за просвечивающий насквозь куст боярышника и тоже разделась, подставив теплу смуглое от кварцевых ламп тело. – Как хорошо, Олежка! Ведь буду рассказывать – ни одна собака не поверит. Надо же так, два дня по горло в снегу ползти, чтобы потом голышом среди леса загорать! И ни комаров вокруг, ни прохожих. Ляпота... Отвернись, не то морду расцарапаю!

– Да я и не смотрю. – Ведун грелся на солнышке с закрытыми глазами.

– Брезгуешь, что ли? Правильно тебя старики убить хотели, ни фиги вести себя не умеешь. Рядом с ним самая красивая девушка Москвы обнажилась, а он даже глаза не скосил. Ради такого мог бы и с драной физиономией недельку походить. Ты что, импотент?

Импотентом Середин себя пока не ощущал. Он чувствовал себя лопатой, которую наконец-то откинули в сторону за ненадобностью. Хотелось лежать, лежать и лежать. Даже есть не хотелось так сильно, как просто валяться безжизненно на солнцепеке.

Хотя о еде на самом деле стоило позаботиться именно сейчас.

– Но-но, без глупостей! – встрепелась Роксалана, услышав шевеление с его стороны. – Я просто пошутила. Лежи смирно и повернись в другую сторону.

– Отстань. – Ведун поднялся, притянул к себе и открыл чересседельную сумку. – Пойду, силки попробую расставить. Здесь такая зелень, что вся живность с округи должна собираться. Авось, повезет.

Отойдя от стоянки примерно на полкилометра, к самому краю оазиса, Олег заметил возле нескольких рыжих покатых камней странной формы кочку – с белым хохолком и низкими зелеными краями. Она походила на дошколенка, чудом вырвавшегося из лап криворукого парикмахера и затаившегося среди кустов. Тут явно кто-то побывал, и ведун, махнув рукой на советы бывалых охотников, расставил все свои снасти здесь, вокруг полюбившегося кому-то угощения.

Когда он вернулся, Роксалана спала – раскинув руки, разметав волосы и что-то тихонько бормоча себе под нос. Олег пригнулся, надеясь разобрать слова, ничего не понял и, неожиданно для самого себя, тихонько провел пальцем девушке через грудь, ненадолго задержавшись на остром холодном соске. Даже если директор фирмы «Роксойлделети» по маркетингу и не была первой красавицей Москвы, она все равно выглядела чертовски соблазнительно. А ведун, как ни натаскивал его Ворон на самодостаточность и выдержку, оставался всего лишь человеком. Человеком из плоти и крови. И хотя убить свою незваную спутницу ему хотелось куда чаще, нежели приласкать, сейчас он наклонился к ее губам и осторожно поцеловал.

– М-м, – сонно ответила девушка и чуть потянулась лицом вверх.

Олег поцеловал ее снова, ощутив прикосновение кончика ее языка к своему, скользнул губами по подбородку вниз, потом по щекам, потом к кончику носа, чмокнул мочку левого уха – Роксалана подставляла лицо для ласк, словно кошка свою мордочку под пальцы хозяина. Ее тонкие руки сомкнулись у ведуна на затылке – молодой человек быстро скинул тулуп и опустился на спутницу, всем телом ощутив ее горячую кожу. Теперь уже Роксалана впиалась ему в губы, изогнувшись всем телом, больно ткнув острой коленкой в бедро, и ведун сам не заметил того мгновения, когда они слились в одно целое. После долгого перерыва страсть полыхнула стремительной вспышкой, чтобы уже через несколько минут закончиться отнимающим все силы сладострастным взрывом.

«Это утомительнее, чем даже снег разгрести...» – мелькнула в голове Середина совершенно глупая мысль, когда он расслабленно простерся рядом с девушкой. Ведь снег никогда не доставлял ему такого наслаждения.

– Это ты? – задала не менее глупый вопрос Роксалана, потянувшись и сладко мурлыкнула: – Ну вот, ты меня все же изнасиловал, скотина. Теперь папка тебя точно пристрелит. Причем собственноручно. Как только познакомитесь, так сразу и пристрелит. Надо будет тебя в бассейне представить, там кровь проще отмывать.

– В бассейне? – усмехнулся ведун. – А кто тебе сказал, что мы вообще когда-нибудь доберемся до твоего бассейна вообще и до папочки в частности?

– Но-но, ты так не шути, – приподнялась на локте девушка. – Не то ничего подобного больше никогда в жизни не получишь!

– А если доберемся, тогда что? – закинул руки за голову Олег. – Букет на могилку каждую годовщину приносить станешь?

– Не знаю, не знаю, – не стала обманывать Роксалана. Девушка перекадилась ближе к нему и принялась щекотно целовать обнаженную грудь. – Зато теперь, Олежка, бояться тебе совершенно нечего. Ты меня понимаешь? Совершенно нечего... И не лежи как истукан, а то я могу замерзнуть.

Когда весеннее солнце покатилося вниз по склону горы, а в оазис весны все же заглянула слабая, но колющая холодом поземка, молодые люди закутались обратно в меха и прошлись между деревьями, собирая хворост. Олег наткнулся на сухостоину в полторы ладони толщиной, свалил ее мечом, разделал на четыре куска:

– Нормально, этого до утра хватит. Пойду, снасти посмотрю.

– Я с тобой, – встрепенулась Роксалана. – Все равно я огонь высекать не умею, а сидеть на одном месте холодно.

– Хочешь, пошли, – пожал плечами ведун.

– Вот здорово! Я буду прикрывать твою спину от злых разбойников! – Девушка поспешно опоясалась мечом и ухватила его под руку, повиснув на локте половиной своего веса. – Как думаешь, здесь могут быть разбойники?

– Разбойники водятся только там, где есть кого ограбить.

– А эти... Демоны и злые духи?

– Нечисть в большинстве холоднокровна, как лягушки. В морозы она спит.

– Оглянись, Олежка! Тут же тепло, как летом.

– Ну, может, лешие, берегини, травники уже и очнулись, – предположил Середин. – Да только они все равно еще сонные, в силу не пришли. Можно пока не бояться.

– Ой, смотри, кто это?! Олененок! – Роксалана кинулась вперед, упала возле «стриженой» кочки на колени, протянула руки к подпрыгивающей на одном месте пятнистой, черно-коричневой лани. – Бедненький, запутался... Подожди, я тебе сейчас помогу.

Она решительно рванула из ножен меч, подсунула его под сплетенную из конского волоса нить и перерезала одним легким движением. Зверек восторженно подпрыгнул и бросился наутек.

– Ты... Э... Чего?! – опешил от такого фокуса ведун.

– Не видишь, они в каких-то паутинах запутались? Вот еще один... – Девушка перебежала к кому-то, невидимому за кочкой, и через мгновение еще одна лань, радостно задрвав короткий хвостик, улепетывала со всех ног.

– Да ты чего делаешь, ненормальная?! – подбежал ближе Середин. – Мои силки... Добыча... Снасть... Какого хрена ты их выпустила?

– Они же еще маленькие, Олежка, – настойчиво сообщила Роксалана. – Они чуть не погибли.

Ведун сплюнул, безнадежно махнул рукой и отправился обратно, к вещам. Запалил костер, сходил к краю оазиса за снегом, повесил торбу на вытянутый над очагом сук. Когда вода закипела, сыпанул внутрь овса и примерно через четверть часа поставил на землю:

– Угощайся.

– Что это за варево? – заглянула в кожаную посудину спутница. – Пахнет рыбьей прикормкой.

– Она и на вкус такая же, – хмуро сообщил ведун. – Сало и ячмень мы еще утром добились, а вкусный ужин ты самолично отпустила на все четыре стороны. Остался только овес.

– Это был не ужин, – поджала губы девушка. – Это были милые маленькие оленята.

– Восемь кило парного мяса, – перевел Олег ее слова на нормальный язык. – Четыре дня могли бы есть от пуза в свое удовольствие и в ус не дуть.

– Овсянка для здоровья куда полезнее, – взяла свою ложку Роксалана и зачерпнула разварившееся зерно. – Клетчатка, микроэлементы. Пищеварение улучшает.

– От такого пищеварения только брюхо пухнет. Даже у лошадей, между прочим.

– Ну, и чего теперь, за ними по следу бежать? – примирительно ответила Роксалана. – Назад не вернешь. Хватит обижаться, давай хоть этого поедим. Они были такие хорошенькие... Я бы их все равно есть не смогла, Олежка, честное слово. И тебе бы не дала. Не обижайся, ладно? Давай, ложечка за папу, ложечка за маму. Сейчас покушаем и в постель. И я буду очень-очень послушной девочкой. Хочешь?

После заката в их оазис ворвался самый настоящий трескучий мороз, и молодые люди, забыв размолвку, волей-неволей оказались в крепких объятиях друг друга. Разлучить их смогли только жаркие лучи поднявшегося солнца. Роксалана откинулась на спину, оставив у Олега под шеей только свою руку, и уже через минуту подняла его истошным воплем:

– Оре-е-ешки!!!

– А-а?! – Въевшиеся в плоть ведуна рефлексы заставили его метнуться в сторону. Уже через мгновение он стоял на ногах, сжимая в руке меч. – Что случилось?

– Орешки... – Полуобнаженная спутница сидела на тулупе и держала в дрожащей руке горсть темно-коричневых, с серой макушкой, лесных орехов.

– Тьфу ты... – Середин спрятал клинок и принялся одеваться. – Ну, фундук. Ну, лещина. Растет она по лесам. Чего вопить-то из-за этого?

– Ты не понимаешь! – слотнула девушка. – Сон мне приснился. Что я тут сплю, а ко мне от лошадей голая совершенно девочка подходит, лет пятнадцати. Говорит, что я хорошая и она мне подарок принесла. И, значит, орешки возле щеки кладет. Я просыпаюсь – а там и правда орехи!

– Ну и что? Берегиня, стало быть, ночью к тебе приходила. Видно, и правда проснулась тут в теплом уголке. Странно только, что показала, коли мы ей никаких подарков не принесли. Обычно они только за ломтик хлеба и чашку молока помогают. Не отошла, видно, после зимы. Ты чего, берегинь никогда не видела?

– Нет, – мотнула головой девушка.

– Духи это лесные. Обычно в облике юных дамочек показываются, да еще и без одежды. Защищают лес, воду, землю и вообще... Ну, а коли их угостить, то и людям помогают, путникам простым.

– А, понятно. Это наяды, что ли?

– Нет, – мотнул головой Середин. – Наяды – это духи воды, русалки по-нашему. Берегини, если на греческий переводить, это уже нимфы получают.

– Какие нимфы? – возмутилась Роксалана. – Нимфы – это австралийские попугайчики. А духи леса – это наяды!

– Раздави меня утюг, куда катится наше образование? – вскинул глаза к небу Олег. – Ладно, угли посмотри. Может, раздуешь? А я прогуляюсь.

– Я с тобой! – потребовала девушка.

– Куда?

Роксалана глянула к себе в ладонь и высыпала орехи на тулуп.

– Куда угодно! Одна я тут ни за что не останусь!

– Успокойся, берегини добрые.

– А если тут не только наяды, но и еще кто-нибудь проснулся? У меня даже баллончика перцового нет!

– Меч возьми.

– Сам возьми! Его пока поднимешь, тебя десять раз сожрут. Может, тут вампиры живут! Или зловещие мертвецы! Я с тобой пойду. Захочешь в кустики – я лучше рядом отвернусь.

– Да, воистину – Зена, королева варваров, – негромко признал Середин. – Телевизор надо меньше на ночь смотреть. Ну, ладно, пошли вдвоем, коли так.

Примерно за полчаса они дошагали до знакомой кочки, и Олег с огромным удовольствием увидел лежащую среди травы коричневую тушку: похоже, вчерашний шум дичь не распугал, и хоть одна из петель принесла добычу.

– Тебе повезло, деточка. С голоду мы ближайšie пару дней не загнемся.

– Подожди! – Роксалана присела рядом с ланью, приподняла ее голову. – Она еще дышит.

– Подвинься... – Середин выдернул нож.

– Ты с ума сошел! Она же живая!

– Уйди!

– Ты же не убьешь ее, Олежка? – собачьим молящим взглядом уставилась на него спутница. – Как можно такую хорошенькую?

Блеснул клинок, и волосяная петля с тонким щелчком лопнула у самого узелка.

– Да ты!.. – Ведун дернулся вперед, но Роксалана, вскочив, заслонила собой добычу:

– Олег, ты меня любишь?

Ведун от неожиданности на мгновение даже забыл про тяжело дышащее рядом парное мясо.

– Чего? Ты о чем?

– Значит, для тебя это был всего лишь секс, да? – оскалила девушка ровные жемчужные зубки. – Просто секс?

– Тысячадохлых лягушек, Роксалана! – рассвирепел ведун. – Ты связалась со мной, потому что хотела настоящего приключения, а мне нужен был переводчик! И все! Уйди!

Он отпихнул спутницу, но куда там: оклемавшийся тонконогий малыш, слегка покачиваясь и задевая стволы деревьев, уже улепетывал к густым зарослям дикой смородины.

– Тьфу, зар-раза! Ну что, довольна? Теперь будешь с пустым брюхом сидеть.

– Да ладно тебе дуться, Олежка, – повисла у него на руке довольная собой девушка. – Он же был такой хорошенький, мохнатенький, теплый... Очаровашка просто. Разве такого можно просто сожрать, как печеную картошку?

– Деточка, тебе сало в каше нравится? Так вот оно, когда бегало, тоже было тепленьким и очаровашкой. Или ты думаешь, шашлык и бифштексы на березах растут? Блин, у нас теперь ни сала, ни мяса, да и овса от силы на пару дней. Посмотрим, как ты завтра запоешь, когда на обед, кроме воды, ничего не получишь.

– Да перестань! – Спутница прижалась щекой к его плечу. – Мы же в лесу, не пропадем. Ягоды кушать будем, грибы, орехи.

– Какие ягоды, какие грибы? – схватился за голову Середин. – Апрель месяц на дворе. Тут даже листья еще не распустились, а она ягод хочет!

– Ну, значит, потерпим немного. Ты же сам говорил, что нам всего сто километров до Белой идти. Наверное, всего-то два-три дня и осталось.

– Лучше молчи, – попросил Олег. – Молчи и не нервируй меня. Если даже мы дойдем до реки сегодня вечером, это еще не значит, что на Белой нам не понадобится жрать!

И все же они остались на том теплом пятачке земли еще на день. Как это часто бывает в дальних походах, главным стало не желание людей, а состояние скакунов. Те продолжали с азартом выщипывать молодую травку пополам с жухлой и влажной, прошлогодней, объедали набухшие зеленые почки вместе с тонкими побегами, с громким хрустом прожевывали нападавшие под лещинами полугнилые орехи – и ведун не рискнул седлать лошадей до того, как они хорошенько набьют животы. Кто знает, когда такой оазис встретится второй раз?

В дорогу они двинулись на рассвете третьего дня. Как и обещал ведун – на голодный желудок. Набранные накануне орехи путники сщелкали еще вечером. Штурмовать очередную горную грядку ведун не рискнул и решил пойти вдоль по ущелью, нацеленному куда-то на северо-запад – то есть примерно туда, куда им и было нужно. Если оно отвернет на юг, тогда уж на скалы и полезут.

– Склон, вроде, пологий, почти без камней. Лес, снега немного, кони себе всегда травы отрыть смогут, – пояснил он спутнице. – Лучше небольшой крюк сделаем, чем на каком-нибудь перевале замерзнем.

– Не будет крюка, – авторитетно заявила Роксалана. – Тут внизу летом наверняка какой-нибудь ручеек журчит. Он потом в поток впадает, поток – в реку, река – в широкую реку, а там и Волга недалеко. Правильно? Если прорубь встретится, можно рыбу половить и потом на углях запечь. Я как-то пробовала, очень здорово получается. Особенно семга или осетрина.

– Надо же, я и не знал, что у тебя с собой есть спиннинг. Или мережа.

– Ты же кузнец! Можешь крючок сделать. Да ту же блесну. Или куешь ты так же криво, как колдуешь?

– Можем проверить, – хмуро предложил Середин. – С тебя – уголь, меха, горн, молот и наковальня.

– Вечно у тебя какие-то отговорки, – фыркнула спутница. – Плохому танцору... даже штаны мешают.

Лошади двигались спокойным походным шагом, не забывая ощипывать близко покачивающиеся ветки. Снег был неглубоким, не выше колена, деревья стояли редко, ветер опять стих. Просто парк, а не дикие земли! Солнце, правда, сюда не столько светило, сколько заглядывало в просветы между громоздящимися на северной стороне ущелья скальными пальцами, и его едва хватало, чтобы не замерзнуть в раскрытых на груди налатниках.

До полудня скакуны без особого труда прошли не меньше двадцати километров, и ведун, заметив группу близко лежащих валунов, скомандовал привал. В расселине между камнями должно было получиться отличное укрытие от ветра.

– Все, лошадам пора кушать, – начал расседлывать скакунов Середин. – Здесь не конюшня, готовое сено никто в ясли не насыплет.

– Нам бы тоже перекусить не мешало, – вздохнула Роксалана. – Там, в сумках точно ничего не осталось?

– Вашими стараниями, леди, – невозмутимо сообщил ведун, – у нас есть всего два способа не помереть с голоду. Или вскрыть одному из коней вену и попить крови...

– Фу, какая гадость! – передернуло девушку.

– ...Или одну из лошадей зарезать. Только жалко, нам столько мяса не съесть, большая часть пропадет.

– Как ты можешь, бессовестный чурбак! – совершенно серьезно возмутилась спутница. – Они тебя на себе почти сто километров волокли, снег пробивали, через перевалы перетаскивали, а ты их зарезать собираешься?! Как у тебя язык-то повернулся?!

– Тогда иди, вместе с ними пасись, – предложил Середин. – Снегу покушай, орешков поищи, коли уж такая совестливая. Мышку или суслика увидишь – визжи, я приду.

– Думаешь, все женщины боятся мышей? Маньяк гендерный.

– Их не бояться нужно, а камушком пристукнуть, – парировал Олег. – Я не брезгливый, я и на суслика жареного согласен. Тебе, разумеется, даже не предлагаю.

– Очень надо, – вздернула носик Роксалана. – Я и сама могу кого хочешь поймать.

– Я заметил, – согласился ведун, возвращаясь к привычным хлопотам: собрать дрова, развести огонь, натопить воды для коней, вскипятить себе и спутнице. Разумеется, можно было бы просто пожевать наст – но снег плохо утоляет жажду, студит тело, отнимает лишние силы. Если уж он не мог нормально скотину накормить, так пусть хоть попьют тепленького.

– Нашла, наша! – эхом прокатился по ущелью восторженный женский вопль. – Смотри, что я наша!

Олег бросил набранный хворост возле сумок, быстро поднялся по склону.

– Смотри, смотри, – протянула ему полные горсти Роксалана. – Грибы! Самые настоящие, опята! Тут их целая поляна, на всех хватит, вдосталь. Понял, зануда? Грибы, между прочим, по калорийности от мяса не отличаются! И лошадей тоже ими накормить можно, вместо травы этой полугнилой. Они тогда не хуже рысаков вперед помчатся.

– Рысаки в упряжи ходят, – машинально поправил Середин, присел рядом. – Как ты их наша?

– Ногой зацепила. Споткнулась, смотрю – а из снега гриб вывернулся. Я сугробик раскидала, а их тут целая поляна! Нам тут до самого Мурома хватит, только собирай! Это, наверное, сорт морозостойкий, зимой выросли.

– Нет, просто перед заморозками появились, а потом под снег ушли... – Ведун взял один из грибов, покрутил перед глазами. – Это точно опята, Роксалана? Вид у них какой-то странный, непривычный. Может, ложные?

– Да настоящие они, самые настоящие! Вот, смотри... – Она откусила половину ножки у одного гриба, пару раз сомкнула челюсти и проглотила. – Как, убедился? Я жива и здорова, ничего со мной не случилось...

– Не надо, – послышался от корявой сосенки в нескольких шагах в стороне тихий голос. Обнаженная голубоглазая девушка лет шестнадцати с длинными волосами и тонкими чертами лица покачала головой: – Не ешьте их, опасно...

И шагнула за дерево. Причем с другой стороны не появилась, словно скрылась за разрисованной под зимний лес стеной.

– Ты это видел, Олежка? – жалобно прошептала Роксалана.

– Еще бы, – выпрямился Середин. – Брось их, не трогай. Коли берегиня сказала, что опасно, лучше не рисковать.

– Точно, это была она! – охнула девушка. – Наяда! Та самая, что орехи мне ночью принесла.

– Видать, понравилась ты ей чем-то, коли следом пошла и от беды спасает. А грибы эти брось. За пару дней голодовки ничего с нами не делается. Чай, не перетруждаемся, верхом едем. А там, глядишь, чего и раздобудем. Или зарежем одну из лошадей, коли деваться некуда будет.

– С ума сошел, Олежка? наших лошадок? И потом, я же эти грибы пожевала – и ничего. Может, наяда перепутала?

– Они не путают, деточка. Это их мир, они тут каждый камушек и каждую травинку знают, как ты – любую трещинку в своей квартире. Надо же... оказывается, и вправду уже проснулись.

– У нас в квартире нет трещин! У нас ремонт два года назад итальянские дизайнеры делали. Теперь все выглядит, как в Екатерининском дворце. Даже лучше.

– Ква, ма гери ке коми, – покачал головой Середин. – Короче, брось каку, и пошли. Эти грибы есть нельзя. Еще увидим, что будет, когда они у тебя до желудка добегут.

Как ни странно, прогноз ведуна не оправдался. Роксалане не стало хуже ни через четверть часа, ни через час, ни к вечеру. Она чувствовала себя вполне бодрой и здоровой. Только голодной – а когда с самого утра в рот не упало даже овсяного зернышка, поневоле начнешь сомневаться в самых взвешенных своих суждениях.

И все же за грибами Олег не пошел и Роксалану не пустил. Ведун привык доверять хранительницам леса, а потому с первыми лучами солнца повел караван дальше – прочь от столь сильного соблазна.

– А может, наядя пошутила? – почти весь день зудела над ухом спутница. – А может, она для себя эту полянку сохранила? А может, она решила нас напугать? А может, она спросонок чего-то не поняла? Смотри, я же съела, и ничего! Черт, ну надо же, целую поляну грибов бросили! Там их, наверное, килограмм двадцать. Или сорок! Какой суп мог получиться! Наваристый. И ведь ни одного червивого! Я их несколько проверить успела. И вкусные какие были! Даже мороженые и сырые...

Спорить было бесполезно. Гостья из двадцать первого века относилась к духам природы ничуть не серьезнее, нежели к Снегурочке на воскресном утреннике. И этого снисходительного пренебрежения «детскими сказочками» не смогли поколебать ни штурм замка Аркаима ожившими мертвецами, ни посещение Шамбалы, ни перенос ее брэнного тела из далекого будущего в нынешние суровые времена. Или просто пустой желудок побеждал остатки разума в этой очаровательной головке?

– Будет привал, поищем еще, – решил хоть немного утешить спутницу Середин. – Раз опять под снегом оказались, может, и другие грибы попадутся. Не такие опасные.

– А эти что, опасные? Я ножку целиком съела и кусочек шляпки попробовала! И ничего! Есть нужно было спокойно и не заморачиваться. И лошадей покормить, а то они от тухлой травы еле ноги волочат. А грибы – пища калорийная. Как мясо. Получше зерна будет.

– Найдем нормальные – можно будет поесть. И даже очень неплохо было бы перекусить. Только не нужно набивать брюхо любой ценой. Добром это не кончится.

– А кто набивает, кто набивает?! Я и так, окромя воды, уже целую вечность ничего не ела! Я что, кролик? Мне прутья и кору на деревьях грызть прикажешь?

Олег понял, что остановить этот поток сознания не получится – ни соглашаясь со спутницей, ни опровергая ее, – и предпочел замолчать. Ущелье же тем временем повернуло почти строго на север, расплзлось вширь и стало все больше обрастать вековыми соснами и елями. Сквозь густо переплетенные кроны солнце до земли почти не доставало, и снежные наносы поднялись выше колена.

– Да, грибочки бы сейчас не помешали, – признал ведун. – Лошадям тут до травы не дорыться будет. Ладно, привал.

Чтобы запалить костер и поставить растапливаться снег, ушло не больше часа, после чего Середин побрел вокруг лагеря, ногой раскидывая пушистый ковер под соснами, возле елок, между осинками – там, где, по его мнению, могли остаться с осени замерзшие красногловики или белые. Как назло, на глаза не попадалось даже поганок. Как, впрочем, и Роксалане – девушка занялась поисками, едва они спешили, возле корней вывороченной ветром сосны.

– Те надо было брать, – буркнула, пройдя мимо, Роксалана и уселась возле костра, протянула ладони к огню. – Врала твоя наядя. Голодная, небось, после зимы, как медведь-шатун, вот от жратвы и отогнала.

– А отравилась бы, что тогда?

– Травятся маринованными, в которых ботулизм, – хмуро ответила спутница. – А от таких не травятся. Опята как опята. Даже от ложных никто не умирает. Стошнит разве, и все. Зато хоть пару часов сытыми бы ходили.

– Неправда. Дохнут люди от поганок и ложных грибов, как тараканы. Ты бы, чем по презентациям скакать, больницу хоть одну посетила. Знаешь, сколько там таких грибников?

– Это потому, Олежка, что у нас возле Москвы экология нарушена. Заводы, транспорт, выбросы, тяжелые металлы, кислотные осадки, радиация. Вот грибы все это и накапливают. А здесь природа чистая, тут даже мухоморы, наверное, съедобны.

– Ты только не пробуй, хорошо?

– Если мухоморы три-четыре раза вымочить, их в любом случае есть можно, – мечтательно закатила глаза спутница. – На сковородку их мелко-мелко покрошить, маслицем оливковым залить и лучку добавить, золотистого, как купол Софии в Стамбуле. А мякоть у них белая, шипящая...

– Ты чего, даже готовить умеешь, мисс Самый Главный Менеджер?

– И не один раз этим занималась, между прочим, – с гордостью ответила девушка. – И рыбу готовила, и мясо, и картошку чистить умею...

– Ну, здесь это неактуально, – утешил ее ведун. – Зато я брусничных стеблей немного надрал. Сейчас заварим, для запаха. Будет вместо бульонного кубика.

– Дурак ты, Олежка, и не лечишься. В кубиках хотя бы костная вытяжка есть и усилитель вкуса. А что в твоей бруснике?

– Витамины, – не моргнув глазом, ответил Олег. – Ученые говорят, что витамины в еде – самое главное. Вот мы самым главным и подкрепимся.

– По-твоему, это остроумно?

– Ну, если тебе так хреново, можно забить одну из лошадок. Нажремся от пуза прямо сейчас и без всякого риска.

– Дурак ты, Олежка, и не лечишься, – повторилась Роксалана и вздохнула. – Думаешь, я смогу хоть кусочек съесть, если буду знать, что он... что это моя чалая была или вон тот серый? Лучше давай твой суп брусничный выпью. И чего я у твоей наяды на поводу пошла? Надо было хоть попробовать не один, а сразу несколько грибов.

– Как хочешь, – пожал плечами Середин и подбросил в огонь несколько веток.

Если девочка брезговала конским мясом – значит, была еще не так голодна, как казалось. Резать лошадей ему тоже совсем не хотелось, а голод... Дней четыре-пять потерпеть можно, это он по собственному опыту знал. А там... Пять дней – большой срок. Авось дичь какая попадется. Или те же самые грибы. Или деревенька с мирными жителями. Или еще что переменится. Там будет видно.

За новый день они одолели всего километров пятнадцать, а то и меньше. Олег и не заметил, как ущелье исчезло, растворившись среди густого, нехоженого бора. Иногда в просветах между деревьями далеко-далеко справа и слева можно было различить плотно стоящие полуовальные холмы, поросшие, словно густыми волосами, зеленым хвойным лесом, но горами назвать это было нельзя. Так, возвышенности.

– Тоже мне, Урал называется, – недовольно бурчал себе под нос Олег, пробиваясь от одного поваленного дерева к другому. – Горный хребет на полконтинента.

Снега здесь было немного – чуть выше колена. Но под его искрящейся гладью скрывались трухлявые и не очень стволы, переплетенные ветки кустарников, острые, как бритва, листья осоки, почему-то совершенно не померзшей за долгую зиму. Копыта по таким бревнам то и дело соскальзывали, один раз заводной скакун свалился, запутавшись в стеблях какой-то стелющейся гадости, похожей листьями на огурцы, а раскрытыми плодами – на конские каштаны. Решив не рисковать, ведун спешил и повел лошадей в поводу, рубя мечом вмерзшие в землю ветви и переплетенные стебли. Утешало только то, что местами заросли расступались, открывая взорам широкие, обрамленные камышами поляны. Или, проще говоря, – замерзшие озера и болота.

– Хорошо, до тепла успели, – радовался ведун. – Через пару недель тут будет совершенно непролазная топь.

На границе одной из таких полянок он и остановился на ночлег. Голодные скакуны с готовностью принялись ощипывать торчащие над сугробами толстые коричневые листья рогоза и высокую осоку. Олег же, уставший так, словно тащил весь караван у себя на горбу, рухнул рядом с охапкой валежника, как только огонь начал разгораться возле высокого, темного от плесени пня. Плесень блестела изморозью, но почему-то все равно оставалась черной, как открытый космос. Ведун даже ненадолго заснул, сомлев в тепле костра, и очнулся от убийственного запаха самой настоящей мясной похлебки, сваренной на большой мозговой кости и протомленной хорошенько в жаркой русской печи.

– Что это? – Он поднялся, тряхнул головой, отполз к пню и прислонился к нему спиной.

– Грибы.

– Здорово... – обрадовался было Олег и тут же осекся, увидев возле лошадей берегиню. Лесная наядя, как называла ее Роксалана, предупреждающе покачала головой и исчезла среди камышей. – Что, милая? Опять опята?

– Нормальные совершенно грибы, – повела плечом девушка. – Я несколько съела, и даже не пучит ни чуточки. И лошадям дала попробовать, кушают с удовольствием. А у них инстинкт, они ядовитого жрать не станут.

– Ага, как же, – кивнул Середин. – Твари милые, но безмозглые. Из человеческих рук даже мышьяк слопают и не моргнут. Они же домашние!

Возле скакунов опять появилась берегиня, повела рукой, отчего кони дружно заржали и шарахнулись к деревьям, моментально застряв в наметенных под лещиной сугробах.

– Не ешьте, – снова покачала головой хранительница лесного покоя, но воздействовать чем-то, кроме уговоров, на существ из плоти и крови она не могла.

– Я не буду этим травиться, – категорически мотнул головой ведун.

– Как хочешь, силой кормить не стану, – весело отмахнулась Роксалана. – Но имей в виду, что кроликов из твоих петель я выпустила, и других зверьков тоже, всех до единого. Так что или грибной суп, или суп из снега. Выбирай.

– Каких кроликов, каких зверьков?! – поднялся на ноги Середин. – Где ты их взяла?

– Из тех самых петель, что ты поставил, пока меня тут не было. Вон там, там и там, – указала она в сторону густых ольховых зарослей.

– Я ничего не ставил.

– Ага, как же! – хмыкнула спутница. – Что, я твои петли не узнаю? Волосьяные, скрученные. Я их все порезала, а зверей отпустила, пока живы.

– Проклятье! – схватился за голову Олег. – Надо сматываться! Уходить немедленно!

– Куда? Темнеет уже, Олежка. И суп вот-вот готов будет.

– Ты чего, не поняла, ненормальная?! Ты чужие ловушки разорила, чужие! Да охотник здешний, как все это увидит, нас просто в куски разорвет!

– А зачем он зверюшек бедных обижает? Природа – это наша породительница, и относиться к ней нужно с любовью, с уважением. А не потребительски. Вам бы только захватить, урвать, сожрать, срубить, увезти... Вроде, закипело уже. Так чего, точно не будешь? Тогда хоть соли дай!

Ведун сплюнул, сел обратно к пню и подтолкнул к девушке чересседельную сумку. Из всех сентенций, произнесенных довольной своим героизмом Роксаланой, он согласился только с одной: сниматься с лагеря было уже слишком поздно. Солнце ушло за далекие горы, и небо стремительно темнело. Теперь волей-неволей придется ждать утра.

– Ты каким богам молишься, милая леди? – окликнул он спутницу, которая жадно, с чавканьем пожирала суп.

– А тебе зачем?

– Хочу знать, по какому обычаю тебя утром хоронить.

– Ничего со мной не будет, Олежка, – облизала ложку Роксалана. – Вкусные, нормальные грибы. И лошадям не будет, они по паре кило точно умяли. Я думала, откажутся, а они мою поляну вычистили, как газонокосилки. Сморчка порченого не оставили. Так что все, твоей доли больше нет. Слишком долго думал. А я уже наелась, а я уже наелась...

И она весело заскакала вокруг костра, корча Середину кривые рожи:

– Моя-ля шуга-шуга, моя-ля вьюга-вьюга! Ну, что ты сидишь такой кислый?! Смотри, какой вечер славный! Смотри, какой снег! Смотри, какой огонь! Как тут здорово, Олежка! Ну, иди сюда, давай потанцуем. Моя-ля шуга-шуга, моя-ля вьюга-вьюга!

Она закружилась, раскинув руки и подставив лицо уже почти черному небу. Полюбоваться танцем Олегу не удалось – лошади, фыркающая и мотая головами, внезапно сорвались с места и помчались через озерцо назад по проложенной утром тропе. К счастью, далеко они уйти не смогли – не поместившись бок о бок на узкой дорожке, застряли среди сугробов на другом берегу. Ускакал только серый мерин, но и тот вскоре вернулся, обнаружив, что остался один.

Спутав ноги скакунам, ведун оставил их возле камышей и отправился кипятить воду. У костра Роксалана, скинув трофейные меховые одежды, в одном только сари, подаренном мудрым Раджафом, прыгала через огонь. Причем во время прыжка она пыталась изобразить некое балетное па с разворотом на сто восемьдесят градусов и раз за разом кувыркалась спиной вперед в занесенный снегом рогоз.

– Оденся, простудишься, – посоветовал ей ведун.

Олег протер торбу от остатков грибного супа, но набить снегом снова не успел: спутница напрыгнула на него, повалив на землю:

– А разве ты меня не согреешь, Олежка? Разве не согреешь? – Она попрыгала на коленях у него на спине, потом кинулась в лес: – Лови меня, Олежка!

Проводив ее взглядом, ведун плотно набил кожаное ведерко, поставил его на угли растапливаться, порубил самые толстые ветки валежника, кинул рядом.

– Ку-ку! – выглянула Роксалана между елями и тут же исчезла, чтобы с хохотом промелькнуть через середину озерца: – Ку-ку!

Лошади смертно захрипели, начали скакать, биться друг о друга. Три скакуна свалились, брыкаясь возле зарослей лещины, два – порвали путы и рванулись куда-то в чащобу. Середин, отчаянно ругаясь, бросился следом. В этот раз лошади весьма удачно ломанулись через редколесье, по мелкому снегу – нагнал их ведун только через полчаса и повернул обратно. Кони громко ржали, мотали головой и то и дело пытались кинуться в сторону.

– Добрую женщину найди, – внезапно появилась справа берегиня, с легкостью шагая босыми ножками по пушистой изморози на поваленной сосне. Следов за наядой не оставалось. – Найди, а то она замерзнет.

– А самой слабо? – огрызнулся Олег.

– Найти могу, согреть – нет, – ответила берегиня, переступая излом ствола, и растворилась в воздухе.

– К костру подсесть ума не хватает?

Возле озера ведун опять спутал лошадям ноги, выдернул из огня торбу с кипящей водой, огляделся и, услышав очередное «ку-ку», пошел на звук.

Бегала Роксалана все ж таки хуже лошадей – уже через полчаса Середин, неся ее через плечо, вернулся к костру. Посадил спутницу возле огня, кинул ей на плечи тулуп, хлебнул горячей воды и отправился к скакунам, три из которых продолжали брыкаться в снегу. Олег распутал веревки, подождал, пока кони встанут, и едва стреножил одного – двое других рванули наутек, причем вместе с недавно возвращенными беглецами. Хорошо хоть, те скакали медленно и неуклюже, рывками переставляя связанные передние ноги.

– Ку-ку! – послышалось позади.

– Разорви меня клопами, – в бессилии схватился за голову Середин. Даже не оглядываясь, он понял, что директор фирмы «Роксойлделети» по маркетингу тоже чесанула куда-то во мрак. – Они все, что, мухоморами объелись?

После короткого колебания он все же развернулся и отправился ловить любительницу осенних опят. В конце концов, Роксалана ввязалась в войну между ним и братьями-колдунами не без его попустительства. Теперь, по совести и справедливости, он должен был вернуть ее к прежней жизни целой и невредимой... Если получится. А лошади, как бы ласковы, трудолюбивы и красивы они ни были, – это всего лишь скотина. Переломают ноги в ночи – пойдут на мясо, и вся проблема.

В этот раз Середин действовал более решительно. Выследив среди серых тощих осин Роксалану, он завернул девицу в тулуп и перепоясал поверх ремнями. Затем пошел по следам скакунов, взнуздal их и привязал к деревьям рядом с догорающим костром. К рассвету в лагере был наведен образцовый порядок: все стояли или лежали по своим местам, костер жарко полыхал от новой охапки дров, недопитая ведунот талая вода была отдана лошадям. Теперь можно было бы и отдохнуть – вот только на память тут же пришел рассказ спутницы об испорченных где-то поблизости ловушках. «Любой нормальный охотник за такую шутку захочет отомстить, – мрачно подумал Олег. – А поскольку заявление в милицию в нынешние века писать не принято, размеры мести могут оказаться самыми что ни на есть неожиданными».

– Эй, красотка, – распустил он ремни на Роксалане. – Ты как, проспалась, кукукать больше не хочется? Тогда вставай, пора манатки собирать.

– Ой, мамочка, как пить хочется, – застонала девушка, выползая из мехового свертка. – Чего это мы вчера нажрались?

– Ведьмин гриб сие прозывается, – прозвучал женский голос из тени за лещиной. – Смертные так нарекли.

– А, точно, – уселась спутница, с силой потерла виски. – Грибы мы вчера варили. Вкусные такие оказались. Так хорошо было... – Она завалилась набок и мгновенно засопела.

– Вставай, говорю, – потрянул ее Олег. – В дорогу пора.

– Счас, счас, – вяло чавкнула себе под нос Роксалана. – Счас встану.

– Пошли, говорю!

– Ну, пай пы попасть немного, – неразборчиво пробормотала девушка. – Те жалко?

– Вставай!!!

– Как-кой ты... – не открывая глаз, широко зевнула Роксалана. – На работу не надо, билеты не горят... Куда ты так спешишь?

– Вставай, зараза, пока гости не пришли!

– Гости... – Девушка дернула бровями. – Мартини докупить надобно, а то погреб пустой совсем. И это... Бьянки. Еще, папа, пожалуйста. Абсент. Абсента так хочется, даже...

– Тебе не абсент, тебе розги нужны!

– И грибы. Они маринованные, соленые... Суп грибной с абсентом, – с причмокиванием ответила девушка и потянула на себя подол тулупа.

Середин покачал головой, взялся за ворот и одним рывком вытряхнул девицу в сугроб с камышами:

– Подъем! Нужно ноги уносить, пока хозяин ловушек не появился. Здесь тебе не Европа. Здесь за воровство вешают без разговоров. Давай, бери себя в шаловливые ручки да коней седлай. Уходим!

– Угу... – Спутница уселась, потрянула головой, отерла лицо снегом. – Да встаю, встаю, отстань.

– Что, похмелье мучает, пожирательница поганок?

– Ничего меня не мучает! Просто спать хочется.

– Про «спать» ты лучше молчи. Это я за вами всю ночь бегал, пока вы тут танцы с лошадьми устраивали. Все, подъем!

Однако прежде чем оседлать скакунов, их требовалось сначала поднять. В самом прямом смысле: из пяти коней стоя дремали на привязи только два мерина. Все прочие лежали на снегу, целеустремленно зарабатывая отек легких и переохлаждение. После окриков, понуканий и ударов прутом животные все же встали и даже послушно пошли к костру – но при этом покачивались, недовольно фыркали и хватали мягкими губами снег. Середин заподозрил, что пустить кого-либо рысью сегодня не получится никакими силами.

Пока он возился со скотиной, Роксалана успела снова завернуться в тулуп и уже сопела в две дырочки. Олег сломался и будить ее больше не стал. Сам оседлал и навьючил лошадей скромным скарбом, потом просто усадил девушку на серую кобылку, поднялся в седло чалого.

– Н-но, поехали... – Он пнул мерина пятками, тряхнул вожжами, и тот с грациозностью запряженного в арбу вола начал переставлять копыта в сторону соснового бора, на север.

Наверное, ведуну стоило вести караван в поводу, а самому прощупывать дорогу – но за ночь он устал до такой степени, что на время забыл даже про голод. К тому же, на скорости примерно в полтора километра в час падения он особо не боялся.

Разумеется, такими темпами за весь день они не одолели и десяти верст – хотя Середин, надеясь оторваться от неведомого охотника, погонял понурых скакунов до самой темноты. Авань, поленится человек в такую даль за хулиганами гнаться. В конце концов, тот потерял всего лишь несколько волосяных петель. Наверное...

В полусонном состоянии он набрал дров, развел огонь и устало рухнул на расстеленные одежды, проваливаясь в сон. Ему приснилась Урсула: милая, послушная и тихая рабыня, всегда выполняющая то, что приказано, и никогда не повышающая голос. Она сидела рядом, голубоглазая и обнаженная, гладила его по щеке и говорила:

– Ведьмин гриб сил больше отнимает, нежели дает. Пустым весельем смертного радует, к легкому счастью приучает. Раз поешь – снова и снова хочется. Не давай ей этот гриб собирать, за год до смерти высохнет. Она его опять нашла.

«У Урсулы глаза ведь разные, синий и зеленый», – внезапно вспомнил ведун и... проснулся.

В поставленной у огня торбе булькала вода. Лошади, невесть откуда набравшись сил, бегали друг за другом и брыкались, падали на спину и трясли тонкими ногами, покусывали друг друга за шею и круп. Роксалана вертелась, раскинув руки и почему-то не теряя равновесия, что-то напевала и время от времени даже прыгала через огонь, ловко продолжая кружение. меховые одеяния были, естественно, скинуты, и только на ступнях оставались поршни, похожие на вывернутые шапки-ушанки.

Поколебавшись пару секунд, Олег зачерпнул пару гостей снега, кинул в кипяток, потом потрусил к скакунам: спутница никуда прятаться, вроде, не собиралась, а вот бегать по чащобе за одуревшими лошадьми ему больше не хотелось. Посему он торопливо взнуздal трех коней, пока они кувыркались, одного поймал уже между осинами, куда тот ломился с таким треском, словно пробивал бревенчатую стену. За последним пришлось-таки пробежаться. Метров сто. Потом прямо перед ведуном возникла темная фигура, и в голове взорвалась красочная петарда.

* * *

Когда Олег пришел в себя, его еще били. Пятеро мужиков, стоя широким полукругом и устало пыхтя, пинали ведуна ногами. Было совсем небожно: обувка на них была меховая, сам путник тоже оставался в трофейном налатнике.

– Вы чего, братки? – попытался встать Середин.

И зря: неизвестные зарычали, принялись пинать его усерднее. Иногда даже весьма ощутимо.

– Я тебе покажу, как капканы разорять, кулой безродный! Я тебя отучу чужое воровать... – визгливо выкрикнул один из неизвестных и ударил чем-то в плечо. Чем-то по-настоящему твердым и тяжелым. Теперь стало больно, ведун вскрикнул. От второго удара возникло ощущение, что спина чуть ниже лопаток проломилась до живота, третий пришелся в голову, и Олег снова провалился в блаженную темноту.

* * *

Очнулся ведун, когда его скинули с лошади, – Олег шмякнулся на что-то влажное, чавкающее, невольно застонал. Его опять попинали, но почти сразу попали по голове, и в третий раз сознание вернулось только в порубе – низком срубе, наполовину врытом в землю, с накаптаным из толстых жердин потолком и таким же полом. Окон для пленника предусмотрено не было – свет попадал внутрь через многочисленные щели в верхней, выпирающей над землей части сруба. По стенам плелись белесые жилки изморози, под самым потолком тянулись частые балки с веревочными петлями. В первый миг ведун подумал – чтобы вздергивать пленников на дыбу, распинать, подвешивать. Потом сообразил, что для такого маленького узилища петель слишком много. И вешали на балках, скорее всего, не людей, а туши забитого скота или мешки с припасами.

– Зима позади, – пробормотал Олег, пытаясь встать. – Похоже, все уже подъели. Вот и воспользовались пустым погребом, чтобы воришку запереть. Интересно, чего им от меня надо?

В том, что повязали его за разорение чужих охотничьих ловушек, Олег не сомневался. За такую выходку в нынешние времена запросто могли и повесить. Могли просто избить. Однако и в первом, и во втором случае кара свершилась бы на месте, без проволочек. Зачем тратить силы на судопроизводство, на публичную казнь, если и так все ясно? Сажать преступников в тюрьму дураков нет – их ведь там кормить нужно. И охранять. И жилье для них особое делать. А пользы от зэка – никакой. В общем – глупость.

– И чего я тут тогда делаю? В рабство, что ли, продать хотят? В последний раз это кончилось очень плохо. Для моих хозяев. Проклятые ведьмины грибы. Если бы не они, фиг бы ко мне хоть один охотник смог подкрасться. Устал я за психованными лошадьми и девкой гоняться, расслабился. Ну, да ничего, будет и на нашей улице праздник... – Ведун не без труда поднялся, повернулся к освещенной стене, собрался было слизнуть изморозь, как вдруг понял, что это не влага. На древесине выкристаллизовалась селитра, «китайский снег». Основной компонент черного пороха, между прочим. Вот только ни пить, ни есть его было нельзя. Олег вздохнул, опустился обратно на жерди. – Эх, сюда бы еще и угля березового да серы немножко. Я бы такой «бум» устроил, за километр бы обходили.

Однако угля под рукой не оказалось. Имелись только покой и тишина.

– Ладно, раз ни попить, ни пожрать не получается, попытаюсь хоть отоспаться на первое время, – решил Середин и, полулежа устроившись в углу, закрыл глаза.

Почти сразу – словно тюремщики ждали за дверью этого момента – загрохотал засов. Вниз спустились двое упитанных, в возрасте, мужчин, с ног до головы облаченных в войлок: войлочные расшитые сапоги, свободные штаны из мягкого войлока, выцветшие войлочные распашные халаты, под которыми были видны короткие, чуть ниже пояса, жилетки, покрытые яркой вышивкой и опоясанные широкими ремнями. Головы венчали остроконечные войлочные же шапки, правда, отороченные по кругу густым песцовым мехом. Шеи обоих подпирал высокий ворот шелковых рубах, выпирающий из-под прочих одеяний. Смуглые морщинистые лица, тонкие китайские усики и бородки. Прямо братья-близнецы. На вид обоим было уже под

пятьдесят, и с такими визитерами Олег без труда справился бы голыми руками – не будь они прочно связаны за спиной.

– Откель вы пришли, несчастный? – без предисловий спросил один из его пленителей. – Кто твоя женщина?

– Она ведьма? – перебивая товарища, поинтересовался второй. – Кто из богов стал ее покровителем?

– Коли поговорить хочется, – скривился Олег, – напоите сперва, накормите, руки развяжите.

Гость в синей жилетке откинул подол халата, снял с пояса плеть и несколько раз хлестнул Середина, норовя попасть по лицу. Спасая глаза, ведун отвернулся, но шею и щеку все равно обожгло болью.

– Теперь ты сыт? – спросил мужчина. – Отвечай! Она ведьма? Какому духу она приносит свои жертвы?

– Как вы догадались? – простонал Середин, лихорадочно соображая, что бы такого правдоподобного соврать, чтобы ему развязали руки.

– Она ходит в странных одеяниях, ест ведьмины грибы, говорит на неведомых наречьях, пляшет странные танцы и видит духов леса, – перечислил тот, что носил жилетку черного цвета. – Шаманка сказывает, что ее устами глаголят боги.

– Я тоже ношу такое сари, – тут же вспомнил Олег. – Оно под одеждой. Развяжите руки, я покажу.

Синежилеточный мужик тряхнул плетью, перехватил ее ближе к ремню, наклонился, раздвинул на Середине полы налатника и кивнул:

– Верно... Ты ее раб?

– Ее зовут Роксалана, служительница Маркетинга. Она дочь великого Менеджера, повелителя Роксойлделети. – В голову ничего не лезло, и ведун рассказал правду.

Гости переглянулись. Разумеется, половины слов они не поняли, но эпитеты «великого» и «повелителя» не могли не произвести на туземцев впечатления.

– Я ее верный слуга и хранитель, – продолжил ведун. – Дозвольте мне вернуться к своей госпоже, преклонить пред ней колени и продолжить свою службу...

«Хоть горшком называйте – только руки развяжите!» – добавил уже мысленно Олег.

– У нее ныне и без тебя слуг хватает, – недовольно буркнул синежилеточный. – Шаманка ни на шаг не отходит. Охрамира дурным воем отгоняет, нового идола в святилище обещает поставить. Вещает про посланницу великой праматери Суджер, голос Уманмее.

– Они не знают, как правильно ей служить! – мотнул головой Середин. – Я прошел с госпожой половину мира, только я достоин умастить ее ноги и подносить ей кушанья!

Мужчины одинаковым жестом отмахнулись, повернулись к дверям.

– Если не дадите пожрать, я просто сдохну, – пообещал им в спину ведун. – Будете тогда советов у своей шаманки спрашивать.

– Нам не нужны советы рабов, – бросил через плечо один из посетителей, и дверь закрылась.

– Уроды, – вздохнул Середин. – Вот скопычусь, протухну здесь – будете знать. Хрен вам будет, а не погреб.

Спустя пару часов стало ясно, что угроза возымела действие. В поруб спустился широкоплечий туземец с загорелым до черноты лицом и большущей пастью, напоминающей трещину на перезрелом капустном кочане: торчащие во все стороны зубы и неровные, широкие, морщинистые губы. Одет он тоже был в войлок, но и халат, и шапку, и жилетку и даже голенища сапог оторачивал дорогой соболий мех. В одной руке тот держал деревянную миску, в другой – глиняную кринку.

– Давно бы так, – обрадовался ведун. – Развяжи мне руки. Перекушу, потом...

Договорить Олегу не дал сильный удар ногой по лицу:

– Заглохни, кулой! Ты крал добычу у меня, знаменитого Миргень-Шагара. Ты сдохнешь. Я порежу тебя на куски и разложу твоё мясо по капканам. Лишь любопытство Джайло-Манапа и мудрого Радозора ныне отодвинуло твою участь. Но я могу пока взять твою руку или ногу, выродок. Говорить ты можешь и без ног. Помни об этом, кулой!

От второго удара Середин увернулся. Продолжать избиение его кормилец поленился и ушел, оставив наедине с щедрой порцией подкисшего и пересохшего, с вкраплениями плесени творога и налитой до краев в крынку водой.

Обед превратился в подобие циркового представления. Пытаясь удерживать зубами край кувшина и одновременно пить, Олег вылил себе за ворот половину воды. Творог со дна пришлось вылавливать языком. Хорошо хоть, не видел никто такого позорища. Расправившись с угощением, ведун раздавил телом крынку и попробовал перетереть пути об острые края осколков – но не тут-то было! Веревки он не видел и не чувствовал, руки еле двигались, глина крошилась. К тому же живот начало скручивать приступами острой рези. Похоже, после нескольких дней голодовки закинутая внутрь порция оказалась желудку до обидного маленькой.

А потом про пленника забыли почти на двое суток. Когда дверь открылась снова, Олег лежал на полу уже в полубеспамятстве, воспринимая окружающий мир через пелену отрешения, словно бредовый сон. Во рту пересохло, язык совсем не шевелился. Увидев над собой лицо с тонкими усиками, Середин усмехнулся. Он различал шевеление губ, догадывался, что у него опять пытаются что-то вызнать, но смысл слов совершенно не воспринимал.

«Так вам и надо, – скорее подумал, чем ответил он. – Сдохну, и ничего вы от меня не узнаете».

– Тебе было велено его кормить, Шагар! – рявкнул на капустнолицего охотника Джайло-Манап. – Или ты каимский колдун и умеешь возвращать мертвых?

– Он крал моих зверей! Он вор и кулой! Почему я должен содержать кулоя?

– Он слуга ведьмы! Кто еще скажет, чего она хочет от наших женщин? Или ты согласен жить с овцами? Он почти сдох, от него воняет! – пнул Олега ногой старик. – Сделай так, чтобы он смог говорить, или отправись жить к своим зверям. Твое упрямство губит весь наш род!

Недовольно ругаясь, охотник ушел, но вскоре вернулся с новой крынкой, присел возле пленника, влил ему в рот примерно пол-литра молока, потом за шиворот выволок наружу, начал раздевать. Налатник, естественно, так просто не снимался – Миргень-Шагар без колебаний распорол тонкие ремешки, что стягивали локти, сдернул меховую куртку, распорол вдоль штанин и содрал шаровары. Потом омыл тело пленника: выплеснул на Середину три ведра холодной, как лед, колодезной воды. Эта встряска полностью вернула Олега в разум. Он закрутил головой, попытался приподняться на локтях – но руки не то что не подчинялись, ведун их вообще не ощущал. Видел, что лежат по сторонам, но не мог шелохнуть даже пальцем.

– Мальго, Петран, – подманил к себе двух босоногих мальчишек охотник. – Соломы у юрт соберите, в ледник киньте. Я сейчас этого бродягу домою, так чтобы было куда положить.

На Олега обрушилось еще ведро воды, после чего охотник кинул сверху налатник и сари и куда-то ушел.

Вокруг, в поселке, тем временем продолжалась размеренная спокойная жизнь. Судя по многочисленным юртам, это был род каких-то кочевников. Несколько срубов означали, что здесь, в тихой долине, находилась зимовка племени. Сюда пригоняли стада, когда зима покрывала снегом высокогорные пастбища и неудобья. Сюда возвращались люди, здесь заготавливали на зиму сено, выращивали зерно и овощи, здесь забивали лишнюю скотину, чтобы не кормить ее голодными месяцами, здесь наполняли мясом и зерном ледники, погреба, лабазы и схроны. А весной, когда начинали зеленеть травой окрестные земли, кочевья расходились в стороны, оставляя возле пашен и опустевших складов десятков-другой работников. И так – до новой зимы.

– Вставай, – пнул его в ухо вернувшийся охотник. – Назад иди.

Середин не шелохнулся. Миргень-Шагар, помявшись рядом, за волосы приподнял Олегу голову, просунул под спину веревку, потом продел под мышками, потянул. Руки пленника вздернулись вверх, веревка соскочила. Кочевник ругнулся, сделал петлю, накинул ее на ступни, подпернул и решительно поволок к порубу. Минутой спустя он уложил ведуна на охапке соломы, сваленной посреди узилища, присел, приподнял голову, поднес к губам край кринки, дал допить оставшееся в ней молоко.

– Спасибо, Мигрень, – наконец-то смог пробормотать Олег. – Какой ты заботливый. Из тебя выйдет хороший слуга.

Со знакомым шелестом из ножен выскользнул меч, клинок уперся ведуну в горло.

– Ты умеешь оживлять мертвых, Мигрень-Шагар? Я нужен вашему роду куда больше, чем он мне, – с усмешкой прошептал Середин и тут же вскрикнул от боли.

– Моему роду ты пригодишься и со сломанным носом, – сообщил охотник, пряча оружие. – У тебя длинный язык. Это хорошо. Но все остальное я могу отрезать.

Правда, после такого оскорбительного намека утром нового дня охотник уже не появился, прислав вместо себя паренька лет десяти. За ночь руки только-только обрели подвижность, и кринку с молоком ведун еле удержал: не поднимал ее перед ртом, когда пил, а откидывался назад, иначе наверняка бы уронил.

– Это все вода, – утерев губы, сказал он. – Нормальной-то еды принесешь? А то после питья только сильнее жрать охота.

Мальчонка молча отобрал кринку и ушел из поруба.

Олег пожал плечами, прошел вдоль стены. Поднял и опустил руки, потряс, снова поднял и попытался удержать над головой – но уже через секунду они упали и повисли, как плети. Вроде, и есть – а вроде, их и нет. «Надо разрабатывать. Иначе такими навсегда останутся».

Ведун остановился возле площадки, в которой когда-то лежал творог, подумал, потом решительно поднял, тщательно отер соломой, повернулся к стене и начал осторожно, по чуть-чуть, соскребать ногтями «китайский снег».

Ворон всегда учил, что половина колдовской силы – в мудрости чародея, а другая – в его суме. И главное занятие мага – собирательство. На каждом привале, во время отдыха, при пешем переходе пальцы колдуна ощипывают соцветия и макушки растений, подбирают перья и сброшенные змеями шкуры, волчьи следы, лягушачьи кости, могильную землю, клочья линялой шерсти. Все то, что после варки, сушки, смешивания или выпаривания становится настоящим зельем. Иногда приворотным, иногда дарующим силу и здоровье, а порою – несущим сон или саму смерть. Разве можно одарить девицу красотой, не имея лунной воды? Или овладеть чужой волей – не имея под рукой аккуратного собранного следа? Как насладиться хорошей порчей, если не на дым и не на перо? Как управиться с богами и бесами, коли нечем начертать кровавую пентаграмму?

Селитра в известные Олегу зелья не входила. Но отчего бы и не собрать, если есть время? Подсушить, с углем перемешать, в котомочке припрятать... А там уж как придется.

Старейшины рода заявили, когда он успел очистить две стены. Встали в дверях, демонстративно распахнув халаты и положив ладони на рукояти мечей. Увы, хотя руки уже и слушались пленника, но сила в бицепсы и трицепсы пока еще не вернулась. Иначе ведун обязательно показал бы гостям несколько неприятных фокусов.

– Откуда вы пришли, кулой? – сурово спросил тот, что носил синюю жилетку. – Что за боги даруют вам столь чудные законы? И что за люди не стыдятся их чтить?

– Меня зовут Олегом, уважаемый Джайло-Манап, – прижал ладонь к груди Середин и чуть склонил голову. Выждал небольшую паузу. Его не поправили, и ведун понял, что с именем собеседника угадал. – Я с радостью отвечу на ваши вопросы. Но что смущает вас в моей мудрой и прозорливой госпоже?

– Все, несчастный, все! – отпустив меч, решительно рубанул ладонью воздух Радозор. – Она призывает наших жен отринуть мужей, а наших дочерей – не внимать словам отцов! Она призывает молиться Уманмее и выбросить из святилища старых идолов. Она требует не пускать мужчин в родные юрты.

Джайло-Манап вскинул руку, и его спутник тут же оборвал горячие речи, поклонился, отступил назад.

– Отвечай! – кратко потребовал глава здешнего рода.

– Мы пришли из далеких западных краев, мудрейший, – начал неспешно рассказывать Середин, по ходу дела облекая в слова странные для здешнего мира понятия. – Наши народы поклоняются великому гендерному равенству. Наши боги учат, что женщины ничем не отличаются от мужчин, а потому не должны никак отличаться в своих правах и обязанностях.

Гости переглянулись, и Радозор недоуменно поинтересовался:

– Разве ваши боги никогда не видели мужчин и женщин? Они не ведают, в чем различия меж нами и ними?

– Наши страны очень богаты, а мужчины изнежены. Они не способны доказать, что сильнее, умнее и выносливее. Наши страны давно живут в покое, и женщин не нужно ни от кого защищать. Наши народы столь ленивы, что перестали рождать детей. Если никому не нужны дети, зачем различать женщин и мужчин?

– И где ж находится столь прекрасная страна? – У Джайло-Манапа хищно раздулись ноздри.

– На западе, на самом краю земли, – повторил Середин. – К сожалению, между вами и нашей страной обитает много диких народов, не признающих великого гендерного равенства. Через их угоды трудно пробраться мирным прохожим. Если бы не милость богов к моей всевидящей госпоже, мы бы погибли много, много раз.

– Жаль... что не все почитают ваших богов, – искренне погрустнел старейшина.

– Вы готовы склониться перед их величием? – приподнял брови Олег.

Джайло-Манап резко рванул меч из ножен, вскинул острие клинка к самому кадыку пленника:

– Ты ее раб, несчастный. Ты знаешь свою госпожу. Сможешь ли ты увести ее отсюда?

– Если меня будут держать в порубе, то вряд ли.

– Ты получишь свободу, жалкий кулой. Свободу и двух быстрых лошадей. Себе и посланнице богов. Но если твоя хозяйка останется здесь... Смерть твоя будет долгой и мучительной. Очень долгой. Миргень-Шагар каждый день придумывает, что еще можно сотворить с тобой, воришка, когда тебя вернут к нему в руки.

– И куда я должен ее увезти? – улынулся ведун.

– Куда? – прищурился Джайло-Манап, оглянулся на своего спутника. – Вниз по реке, за двумя излучинами, начинается ущелье Черных Глаз. Там, возле скалы Бельчай находится стойбище рода Чентаев. Пусть Роксалана расскажет им про ваших мудрых богов. Может статься, они поддадутся на ее ядовитые посулы.

– Ты слишком умен для раба, кулой, – внезапно произнес мудрый Радозор и пригладил тонкие усики. – Слишком хитер и сообразителен.

– Ни в коем случае, – покачал головой ведун. – Я не понимаю, например, зачем вам моя помощь, если проповедницу можно просто стукнуть по голове и продать в гарем правителю Каима? Неужели мужчины не справятся с недовольством глупых баб?

– Мы же не можем насиловать своих жен, словно невольниц, кулой! Не можем пороть их и привязывать на веревку! – мотнул головой Джайло-Манап. – Да и кто станет варить похлебку, доить скот, сбивать масло, собирать хворост, следить за детьми, коли связывать женщин в юртах и опасаться их бегства? Жена не может быть рабыней. Воистину ты стал проклятьем

этой зимы, гнусный кулой! Убить пророчицу – значит вызвать гнев богов. Слушать же ее речи – значит убить себя и весь наш род.

– Не послал ли тебя кто-то к нашим кочевьям со злым умыслом? – с подозрением спросил Радозор.

– Сами приволокли, – напомнил Олег. – Ладно, я уведу пророчицу. Пошли к ней.

– К ней не пускают мужчин, раб, – аж передернуло старейшину. – Но каждое полнолуние мы приносим жертву владыке ночи, всеильному Мардуку. Пророчица будет там танцевать. Она каждую ночь танцует пред Ургой, а Урга обязательно придет в святилище. Ты увидишь хозяйку и позовешь с собой. Или останешься с Миргень-Шагаром. Ты понял меня, кулой?

– Когда это будет?

– Через два дня, – едва не ткнул пальцами ему в глаза старейшина. – Постарайся не умереть до этого срока, несчастный.

Ужин у костра

На само жертвоприношение пленника никто не позвал. Либо старейшина решил, что недостойн раб присутствовать на священнодействии, либо просто забыл в праздничных хлопотах. Посему бой барабанов, вой труб, песни, мычание быков Олег слушал, сидя в углу своей деревянной тюрьмы. Потом на улице стало заметно тише – хотя временами и раздавались отдельные выкрики, а один раз ведун явственно услышал звон мечей. Наконец в дверь что-то бухнуло, она отворилась нараспашку – вниз заглянул Миргень-Шагар в ярко-красном халате и такой же шапке, захолопал уродливой пастью:

– Вылазь, кулой, старейшины ждут. Давай быстрее! Шевели окорочками. – От охотника за версту несло кислым самопальным пивом. Видать, веселье шло полным ходом, и именно сейчас где-то неподалеку хмельные туземцы опустошали бочонки с брагой. – Да топай же!

Прихватив пленника за шкуру, Миргень-Шагар заспешил между юртами, свернул направо, метров сто отмерил по тропе меж стройных сосен и начал подниматься по извилистой дорожке среди скал. Минуты три – и они оказались на обширной скальной площадке довольно высоко над поселком. Здесь полыхало сразу пять костров, над тремя из которых запекались мясистые туши то ли кабанов, то ли еще кого такого же размера. Ближе к обрыву столпились мужчины. Они гудели, словно рой шершней, рыгали и по очереди опрокидывали в себя вместительные деревянные ковши. Женщины собрались у горного склона. Вели они себя куда тише, но бочонки и ковши имелись и на их стороне. Если это было жертвоприношение, то здесь же где-то стояли и идолы. Их Середин, к сожалению, не разглядел. В нос ему ударил аромат жареного мяса – и желудок прыгнул вверх, застряв где-то под горлом. Почти неделя без еды, после чего его кормили одним молоком, дала о себе знать. Голод заставил сердце биться часто-часто, словно от приступа всепоглощающей любви, глаза не могли оторваться от прочных бронзовых вертелов, слух воспринимал только шкворчание сала, равномерно капающего на угли.

– Проклятье, – сглотнул Олег. – Лучше бы меня удавили сразу.

Он даже не заметил, как охотник, толкнув его к старейшинам, отошел к мужской компании.

– Куда ты тарачишься, раб? – тряхнул его за плечо Джайло-Манап. – Вон твоя хозяйка, забирай!

Оказывается, увлеченный мясом, он не обратил внимания на танцующую возле дальнего, пустого костра Роксалану, на уставившихся друг на друга шаманов в черных волчьих малахях, войлочных чапанах до колен, расшитых красными, синими и зелеными картинками из человечков, квадратиков и треугольничков, с огромным количеством амулетов из зубов, косточек, волосяных кисточек, камушков и раковин, с совершенно одинаковыми посохами и бубнами в руках.

С трудом отвлекшись от покрытой коричневатой корочкой, влажно поблескивающей в свете углей, глубоко пропеченной туши, Середин помахал девушке рукой:

– Роксалана! Иди сюда! Тебе не холодно в тонком сари? Вот, возьми налатник.

– Олечка? – Она улыбнулась, переставляя змейкой ноги и выставив в стороны ладошки, пошла к нему.

– Женщины рожают детей! Женщины растят их в домах рода! Женщины ткут ковры, хранят очаги, зашивают стены, варят похлебки и квасят кумыс! Посему женщинам надлежит владеть имуществом рода, Охрамир! Такова воля богов, и не тебе спорить с их мудростью! – Один из шаманов, оказывается, говорил дребезжащим и сухим женским голосом. – Мужья лишь заходят туда на время и снова уходят к стадам или в походы! Посему и володеть им надлежит лишь седлом и мечом своим!

– Не по обычаю это людскому, Урга! – гудел басом второй шаман. – Не так нам предками завещано жить. Муж к себе жену приводит. Его стадами, трудами, отвагою и юрта, и пища, и самое жена в дом его приходит. Не быть богам женским выше человеческих! Не володеть бабам добром мужним!

– Олечечка, как давно тебя не было... – Роксалана протянула к нему руки, провела пальцами по щекам, резко прижалась, положив голову ведуну на грудь. – Давай споем с тобой вместе? Ты же любишь петь. Давай попробуем: Москва-Москва... Слезам не верит... Кто захочет, тот проверит...

Спор шаманов утих. После недолгого молчания Урга спросила:

– Кто сие есть, пророчица?

– Это Олег, – нежно ответила Роксалана. – Он уже месяц таскает меня по свету от приключения к приключению, от колдуна к колдуну, от беды к беде, от пытки к пытке... Он половой шовинист и садист...

Девушка отступила, отдернула руки, попятилась еще дальше:

– Он убийца и злодей, люди! Он морил меня голодом, он бил меня и насиловал, он бросал меня в пропасть и стрелял из ружья. – Она закрыла лицо руками и сорвалась на визг: – Он хочет снова утащить меня с собой! Не хочу в пропасть! Не хочу собаками! Убейте его, убейте, убейте!

– Ты чего, Ро...

– Убейте! Скорее, скорее! Или он убьет всех, всех, всех! – Она кинулась бежать, упала возле дальнего костра и забилась в припадке среди закопченных камней.

– Ничего себе, козья рожа... – пробормотал вконец опешивший ведун и двинулся за спутницей.

– Стой, куда! – истерично завопила шаманка. – Держите его, он душегуб! Он враг богов и их гласа!

– Только без нервов! – развернувшись, вскинул перед собой руки Олег. – Девочка немножко не в себе. Мы разберемся сами.

– Джайло! Охрамир! – Шаманка затрясла посохом над головой. – Пророчица узнала его! Он враг ее! Он враг богов и нашего рода! Это Котхоз-Кутуй! Убейте его, убейте!

– Кто ты такой, проклятый кулой? – схватился за рукоять меча старейшина. – Ты так ни разу и не назвал своего имени! Ты скрываешь его.

Джайло-Манап осторожно подступал спереди. Справа, перехватив посох посередине, подкрадывался Охрамир, остальная толпа здешних батыров застыла слева. Сути происходящего они пока не понимали – прослушали, видать, пока бражку делили.

– А меня нельзя убивать, – передернул плечами Середин. – У меня на левой ноге охранная татуировка. Вот, смотрите...

Правую ногу он отставил назад, чуть сместил туда же вес тела, наклонился, ткнул пальцем себе в голень.

– Какая еще охра... – Джайло-Манап подступил, тоже наклонился... И тут же получил удар ногой в челюсть: размашистый и сильный. Старейшина не просто отлетел назад – его подбросило немного вверх, и он грохнулся на спину прямо перед Олегом.

– Я же предупреждал, – ведун вытянул у него из ножен меч, – на ноге у меня охранное заклятие.

Он покачал клинком, пытаясь смотреть сразу во все стороны. Но на площадке святилища никто не двинулся, словно остолбенев от неожиданности. Легкими шагами Середин отступил к ближайшему костру, левой рукой ухватился за костяшку, правой одним быстрым вращательным движением отсек окорок от туши и тут же жадно вцепился в него зубами. Мясо было сочным и горячим, почти несоленным, но тем не менее – сказочно вкусным. Он откусил раз,

другой, третий, когда вдруг от мужской толпы отделились несколько парней и с грозным воем кинулись в атаку.

Первый оказался совсем мальчишкой, щуплым и безусым. Правда, меч в его руках все равно был серьезным боевым оружием. Недоросль попытался уколоть его с разбега – Олег отвел клинок в сторону своим, резко ткнул костяшкой в лицо и тут же с размаху ударил сосунка ногой в пах. Откусив еще кусок, вскинул меч горизонтально вверх, одновременно делая шаг вправо вперед, отвел рубящий удар, что должен был располосовать голову, и тут же вытолкнул правую руку вперед – оголовьем рукояти в висок. Вполне взрослый мужик грохнулся поверх скрюченного мальчишки, а Середин отскочил назад. Еще секунда, и его сбил бы с ног похожий на разлапистый дуб могучий кочевник. Тот затормозил и, гукнув, взмахнул мечом над головой:

– Сейчас ты умрешь, жалкий червяк!

Олег не ответил: он торопливо прожевывал очередной кусок. Откинулся, пропуская над собой тяжело шелестящий клинок, отпрыгнул, уходя от нового удара, пригнулся, откусил еще мяса, резко вскинул оружие, парируя выпад, и крутанулся вдоль правой руки богатыря, приближаясь к нему. Окорок с размаху врезался в лицо кочевника, а ведун поднырнул вниз-влево, скольльзящим режущим ударом распарывая верзиле бедро. Кочевник, вскрикнув, упал на колено. Ведун отступил подальше от его меча, поднес окорок ко рту и... щелкнул в воздухе зубами: от сильного удара все мясо слетело с кости.

– Вот ведь невезуха... – Он отбросил кость, подошел к другой туше, отсек себе новый окорок, с удовольствием оторвал зубами огромный кусок, которого обычно хватило бы на полноценный ужин.

В святилище тем временем наступила пауза. Первая волна добровольцев корчилась на камнях, новая еще не успела собраться. Олег сумел довольно плотно набить животик, прежде чем услышал знакомый голос:

– Не мешайте! Я сам убью этого кулоя!

– Мигрень-Шагар? – улыбнулся бывшему тюремщику Середин. – Разве ты умеешь еще что-то, кроме как подносить рабам молоко и мыть им ноги?

– Подлая тварь! Жалкий вор!

Выдернув меч, охотник кинулся в атаку, пытаясь с ходу попасть клинком в основание шеи. Ведун перехватил его в перекрестье меча и изрядно погрызенного окорока, повернулся, пропуская мимо себя, и добавил хорошего пинка, направляя прямо в костер. Пламя встретило гостя взрывом искр, треском и шипением. Охотник с воем выскочил назад, зашипел от боли и злости:

– Ты умрешь, гнусный кулой. И сам же станешь молить о смерти!

– Пока мне больше нравится жизнь, – подмигнул ему Олег и откусил еще немного мяса. – Бросал бы ты пить, Мигрень-Шагар, а то ведь ноги совсем не держат. Глядишь, и станешь просто Шагаром, без мигрени.

– На куски порежу!

Охотник сделал глубокий выпад. Середин отпрянул, но тут противник обратным движением попытался рассечь ему колено – ведун едва успел подставить клинок. Шаг вперед, удар в пах – Олег, оказавшийся в неудобной позе, опять еле-еле сумел отбиться, теперь окорочком, а меч кочевника уже летел в голову. Пришлось падать. Ведун откинулся назад, выпрямился – и очень вовремя, чтобы отбить сразу три стремительных удара, обрушившихся, казалось, одновременно и со всех сторон.

Теперь Середин уже остро жалел, что не убил охотника сразу, пока тот еще не протрезвел после посещения костра. Миргень-Шагар оказался чертовски ловким и умелым бойцом. Олег с ужасом заподозрил, что, может быть – даже более умелым, чем он сам. Скорее всего, ведун оставался жив до сих пор только потому, что кочевник хотел его не просто убить, а сперва покалечить, чтобы потом вдосталь насладиться мучениями беззащитной жертвы.

– Проклятье! – Олег еле успел откачнуться, и кончик вражеского клинка распорол налatchник на груди. Целься враг в шею – ничто бы не спасло. Но тот явно метился всего лишь в ключицу. Оставить без руки и взять тепленьким. – Проклятье...

Умирать в чужих землях и в чужом времени совсем не хотелось.

– Рано стонешь, кулой, – довольно ослабился охотник. – Плакать будешь потом.

– Злой ты, Миргень, – фыркнул Олег и, уходя от очередного удара, прикрылся окороком. Клинок кочевника срубил его наискось и едва не пропорол ведуну ногу. Середин развернулся, рубанул охотника поперек шеи. Тот, естественно, успел закрыться – но ведун, вместо того, чтобы отступить, сделал шаг вперед, оказавшись с тюремщиком лицом к лицу, глядя в синие глаза поверх скрещенных клинков. – Такие долго не живут. – И он резко вогнал в шею охотника им же заточенную костяшку.

Миргень-Шагар мгновенно забыл о поединке, выпучив глаза и схватившись за горло, а ведун, оставив в ране уже ненужную костяшку, расстегнул на кочевнике пояс, перекинул его себе через плечо и без особой спешки отправился вниз по тропе.

– Держи его!!!

Поняв, что в этот раз паузы не будет, Олег сорвался на бег, стремглав пронесся до поселка, свернул влево. «Помнится, старейшина говорил, что ниже по реке будет другое кочевье. Значит, где-то поблизости река, а к реке ведет найденная дорога. Вода-то нужна постоянно: готовить, мыться, полоскать, скотину поить. Да и рыбку половить – тоже. По льду можно бежать и ночью: на пни не наткнешься, в яму не провалишься. Следов не останется – наверняка, река вдоль и поперек возле поселка исхожена. Только бы от туземцев хоть ненадолго оторваться. Луна на небе, как прожектор. За версту все видеть...»

Олег промчался мимо своей присыпанной землей тюрьмы, перескочил брошенные кем-то сани, выбрался на утоптанную дорогу, повернул влево, прочь от корежащих ночное небо горных отрогов, пробежал мимо сваленных высокой грудой жердей, миновал темный низкий шиповник с морщинистыми мелкими ягодами... Как вдруг:

– Иди сюда!

Он увидел в кустарнике просвет. За ним – обнаженную длинноволосую девушку. Рефлексы сработали быстрее разума, и он рыбкой нырнул прямо в живот берегини. Ветки за спиной сомкнулись, зашевелились, сплетаясь в непроходимую стену. Ведун перекатился на спину, перевел дух и приподнял голову, вслушиваясь в ночь.

– Держи его! Руби! Руби, хватай! Вон, вон он к Вороньему камню побежал! Сто-ой!!!

Топот погони миновал шиповник, скатываясь вниз по пологому склону. К реке.

Олег откинул голову и закрыл глаза. Оценил расклад сил. Если берегиня взяла его под защиту, то ни одна собака его не найдет и не догонит. Силы справиться с человеком у этой нежити, конечно, не хватит, но духи леса, лешие, травники, болотники, водяные, растения и зверье ее обычно слушаются. Спрячет – никакая сила не доберется. Так что про погоню можно забыть, ребятам не повезло. А что до него самого...

Он вогнал меч в ножны, растянул перед собой снятый с охотника ремень. Два ножа, два подсумка, небольшой кожаный мешочек. Классический поясной набор. Все, что нужно нормальному человеку для жизни. Даже не заглядывая, ведун знал, что найдет в мешочках и сумках: огниво, перемешанную с перцем соль, пару иголок, нитки, ремешки, немного растопки, пару амулетов, пару тусков с лекарственными зельями или едкими смесями для отпугивания хищников. Типа махорки с перцем, против которой самые злобные и натасканные псы пасуют. Тряхнешь горсть себе на след или прямо в морду зверя, коли совсем плохо придется – даже у тигра аппетит мгновенно пропадет. Ну, у Миргень-Шагара могли быть еще конские волосы, крючки, шила и петли для ловушек.

– Отлично. Теперь я в любой переделке не пропаду, – сделал вывод Середин. – Вот без штанов тоскливо. Но ничего, из сыромятины какой-нибудь потом сошью.

Вместо распоротых перед «помывкой» шаровар тюремщик ему так ничего и не выдал. Зато у ведуна оставался испорченный кровью и порезами налатник и тонкое сатиновое сари. Олег вытащил из-за пазухи тряпичный сверток с собранным в порубе «китайским снегом», переложил в одну из сумок, опоясался и решительно встал, намереваясь спуститься к реке и, обогнув погоню, двинуться куда подальше. К рассвету Середин хотел оказаться достаточно далеко, чтобы его не мог догнать ни один обитатель зимовья.

– На лошади было бы быстрее, да только где ее взять? – посетовал он себе под нос. – Табуны рядом с домом никто не выпасает. Если, конечно, не хочет по колено в навозе ходить. Благодарствую тебе, хозяйка леса. Жаль, отдариться нечем. Но помнишь о добром поступке твоём я буду и при случае отблагодарю, как смогу.

Он низко поклонился кустарнику, а когда выпрямился – берегиня стояла прямо перед ним.

– Чур меня! – отпрянул от неожиданности ведун. – Ты откуда?

– Ты должен вернуться, смертный внук Сварога, – сообщила ему лесная наяда.

– Ну да, – усмехнулся Середин. – Чтобы меня на кусочки порезали? Там не меньше сотни рыл бражку пили. А за мной от силы треть погналась. Нет, милая, с такой толпой мне не управиться. Пусть живут.

– Ты должен вернуться и спасти добрую женщину.

– Это кого? Роксалану? – на всякий случай уточнил Олег. – Которая только что велела здешним папуасам меня прибить на месте? Вот уж фигурки, пусть сама теперь выкручивается, как хочет. Она ведь ныне пророчица! Вот туда ей и дорога. А я пошел.

– Она невинна! – Берегиня возникла в паре шагов перед молодым человеком. – Ее ведь миным грибом обкормили.

– Что у трезвого на уме, то у пьяного на языке, – прошел мимо хранительницы леса Середин. – Пусть считает, что мечта сбылась. Меня в ее мире больше не существует...

За те дни, что ведун провел в порубе, природа успела разительно перемениться. На земле больше не было снежного наста с редкими проталинами. Наоборот, это снег теперь прятался мелкими обмякшими кочками за стволы, в ямки между корнями. Тут и там расправлялась трава, на ветках набухали почки, стряхнули с себя иней и сосульки могучие сосны. Да и запах стал совсем другим. В воздухе перемешивались ароматы смолы и прелости, сдобренные полынной горечью. Желтый свет полной луны позволял уверенно обходить препятствия, перепрыгивать рытвины, подныривать под поваленные стволы. Время от времени Середин поглядывал на белую ленту реки, что просвечивала между деревьями, но выходить на открытое место не рисковал.

– Ночь и день завтрашний отшагаю, – прикинул он, – отосплюсь, а там можно и не таиться. Не станут же они из-за одного беглого раба дозоры во все стороны на день пути рассыпать? Да и управлюсь я с маленьким дозором. А для больших разъездов в стойбище людей не наберется.

Разумеется, это означало еще не менее полутора суток без еды. Но после сегодняшнего ужина ведун был уверен, что вытерпит.

Вскоре после полудня берег пошел вниз, и спустя некоторое время Середин выбрался на край обширного болота. Солнце уже успело здесь хорошенько потрудиться, и вместо ровного ледового поля путник увидел перед собой черный торфяной ковер с десятками блестящих ледяных проплешин, окаймленных водой. Весна стремительно превращала вязи из удобных дорог в смертельные ловушки. С другой стороны – на теплой влажной земле тут и там желтели первые цветки вездесущих одуванчиков. Травки не самой вкусной – но вполне съедобной.

Вырубив мечом прочную слегу, Олег двинулся к зеленеющему впереди, в полукилометре, островку из сосен и высоких берез. Прощупывание топи перед каждым шагом отняло немало

времени, но когда через полчаса беглец с облегчением растянулся среди ивовых кустов, он наконец-то ощутил себя в безопасности.

– Сюда погоня точно не сунется, – сладко потянулся ведун. – Так что можно и передохнуть.

Полчаса у него ушло на обустройство лежака из лапника, еще столько же – на сбор сухого валежника. Вытряхнув из поясного мешочка горсть наконечников для стрел, Олег нашинковал в него салат из одуванчиков, заморил червячка, потом там же вскипятил воды и вытянулся на подстилке, закинув руки за голову:

– Ну что? Жизнь, вроде, налаживается.

– А добрая женщина по твоей вине томится в неволе.

Едва не подпрыгнув от внезапности, Олег сел, подтянул поближе меч.

– Это Роксалана добрая женщина? – Он сплюнул прилипший к зубу кусочек одуванчика. – Эта зараза, которая приказала меня убить, которая переломала мои и чужие капканы, которая нажралась поганок и ухайдакала меня так, что я погони не заметил? В гробу я видел таких доброжелательниц!

– Ты должен ее спасти.

– А она уже спасена, берегиня. – Середин зевнул и снова вытянулся на подстилке. – Ее ценят и уважают, ее считают пророчицей, гласом богов. Внедряют в массы ее учение об этом... Э-э-э... Ну, когда женщина получает право таскать шпалы, а мужики – рожать детей. А, вспомнил. О гендерном равенстве.

– Шаманка кормит ее одним только ведьминым грибом и заставляет прыгать в огонь.

– Насколько я помню, она занималась тем же самым безо всякого принуждения.

– Но от этого гриба она умрет еще до новой весны! Его нельзя есть так много! Его вообще нельзя есть!

– Слушай, наяда, – передернул плечами Середин. – Тебе не зябко в такую погоду голышом шастать? На тебя смотреть холодно!

– Мне казалось, смертным нравится видеть меня именно такой, – пожалала плечами хранительница леса, обошла вокруг костра... И внезапно оказалась почти на голову выше, темно-каштановые волосы собрались на затылке, тело скрылось под плотным парчовым платьем, возраст на вид увеличился лет до тридцати. – Так лучше, смертный?

– Солиднее, – признал Олег.

– Теперь ты спасешь Роксалану из неволи?

– Далась она тебе, берегиня! Чего ты о ней так печешься?

– У нее доброе сердце, смертный. Впервые за многие, многие века я увидела человека, который не хватал все, до чего мог дотянуться, а оберегал это. Она предпочла страдать от недоедания сама, но не тронула ни единой живой души. Спасла тех, что попались в силки и капканы. Мучилась голодом, но отказалась причинять боль другим.

– Мучился я, – поправил ведун. – А она как раз лопала от пуза. Сказать, что именно?

– Это все ведьмин гриб. Он одурманивает разум и насыляет дурное веселие.

– Ну да, конечно, – кивнул Середин. – Во всем виноват наркотик. А те, что пьют или колются – это белые и пушистые ангелы. Несчастные жертвы. Даже когда кого-то режут или калечат.

– Она же не убила тебя, смертный!

– У нее просто не получилось. – Он зевнул и закрыл глаза. – Она сделала свой выбор. Все! Теперь каждый за себя.

Попутру ведун растопил себе еще немного воды, остатками залил угли и двинулся дальше – через болото к новому островку, потом еще к одному и через три часа вышел на сухой каменистый берег. Ориентируясь по солнцу, он направился на север, перевалил холмы, увенчанные острыми скальными уступами, начал спускаться через удивительно чистый сосновый

лес – ни валежника, ни сухостоя, ни ломаных деревьев. Неожиданно краем глаза он ощутил движение, повернул голову... На камушке сидел бородатый пузатый малыш полуметрового роста, лохматый, в кожаном костюмчике, и ковырялся в сапоге с широкими отворотами. Ведун замер, поняв, что видит лешего – а эти шутники так просто никому на глаза не показываются.

– Чего вытарацился? – недовольно буркнул тот, не поворачивая головы. – Шишка под пятку попала.

Малыш снова натянул сапог, притопнул, встал, повел плечом. Лохматые волосы оказались серым мхом, ноги – кривыми корневищами, а сам леший – обычным еловым пнем. Олег свернул, подошел ближе. Тронул мох рукой. Пень как пень.

– Привиделось, что ли?

По уму, этой нежити не мешало бы оставить небольшой подарок, подношение – но Середин ныне был гол как сокол, а потому просто пожелал пню доброго лета и двинулся дальше, вниз по склону, пока не услышал громкое ржание. Ведун замедлил шаг, начал красться вперед уже не открыто, а прячась за деревьями, и вскоре увидел небольшой, на сотню голов, табун, оцепывающий молодую травку на открытом солнцу южном склоне.

– Южный... – уже вслух недоуменно повторил он. – Солнце напротив, освещен до самой подошвы. А шел я на север... Так какого лешего?

Над ухом кто-то громко хихикнул. Ведун оглянулся, никого не заметил и стал спускаться дальше. Уже через минуту он разглядел дальше, вниз по ущелью, десятка три юрт и несколько низких срубов, присыпанных землей. На северном склоне, на высоте метров пятидесяти, над поселком возвышалась площадка с отвесными скальными краями. Там тоже стояла юрта, больше похожая на индейский вигвам, над ней вился слабый дымок. На самом краю Середин разглядел каменную бабу: плечи, голова, зеленый веночек на шее. Другие истуканы, скорее всего, стояли дальше.

– Вот проклятье... Я что, ходил по кругу?

– Ты должен ее освободить, – тихо сообщила ему женщина в парчовом платье и опустила веточку, чтобы святилище стало лучше видно. – Сейчас она спит, но шаманка уже варит для нее грибы. Она засушила их много, очень много. Хватит, чтобы убить Роксалану еще до первого снега.

– Какая заботливая! Интересно, наяда, а почему здешние кочевники решили, что эта глупая наркоманка пророчица?

– Когда она говорила, смертный, к ней слетались птицы и бабочки. Когда она останавливалась, у ног ее вырастала трава и распускались цветы. Да еще этот ведьмин гриб... Он делает человека странным.

– Птицы? Бабочки? Цветы? – усмехнулся Олег. – Интересно, откуда у нее взялись такие таланты?

– Я видела, как смертные бьют тебя. Слышала, что они желают убить тебя, замучить. Я испугалась за добрую женщину и послала к ней птиц. Смертные увидели ее, увидели птиц, удивились ее речам и решили, что она – один из духов леса.

– За нее ты, значит, испугалась? – неприятно кольнуло Середина. – А меня зарежут – так это ничего?

– Никто не вечен, человек. Каждому начертано подойти к концу. Кто-то умирает, кто-то благодаря этому продолжает жить, кто-то рождается, чтобы занять место умершего. Зачем мешать неизбежному? Таковы законы мироздания.

– Что же ты Роксалану спасаешь?

– Она необычная женщина, смертный. Ее душа возвышенна и жертвенна. Она должна жить. Она не такая, как ты, ее нужно беречь.

– Вот и береги, – прикусил губу ведун. – А у меня дела.

Он развернулся и быстрым шагом начал подниматься обратно в гору. Спустя полчаса по уже знакомой седловине ведун перевалил гребень усыпанного валунами взгорка, стал спускаться с другой стороны – и вдруг заметил высоко на сосне, на нижней ветке, бородатого малыша, беспечно помахивающего ножками в коротких ботфортах. Олег наклонился, подобрал шишку, а когда выпрямился – в кроне было уже пусто. На месте лешего сияло ослепительное солнце. То есть – било своими лучами прямо в лицо.

Ведун остановился, сплюнул, развернулся, двинулся назад – и вскоре по глазам опять ударили яркие лучи. Олег покачал головой, перевалил гребень еще раз – и уселся на валуне, подставив лицо солнцу.

«Чтобы снять морок, – припомнилось ему, – нужна сброшенная змеиная кожа, перо и цветы зверобоя. Кожу и перо я еще, может, найду. Но где сейчас взять зверобой? Да и поможет ли это против лешего. Ворон вроде ничего про них такого не сказывал. Только то, что пугают иногда да по кругу водят, если обидишь или не так чего в лесу сделаешь. Нет, вроде не ставят они морока, свои хитрости используют. Откупиться от них можно... Да только нечем».

– Здесь хорошее место, смертный. Во все стороны далеко видать.

Услышав рядом женский голос, Середин ничуть не удивился и даже головы не повернул.

– Там же больше ста воинов, берегиня, – вздохнул он. – Стража, опытные охотники. Неужто они свое стойбище надежно защитить не смогут? Где посты стоят, я не знаю. Попадусь, как кур во щи. Заметят, тревогу поднимут. Пророчицу они, конечно, не любят... Но чужаков у себя в доме наверняка любят еще меньше.

– Я все продумала, смертный. Птицы соберут пустырник и сон-траву и перед закатом бросят их в котлы здешних людей. Смертные поедят перед сном и уснут крепко-крепко. Ты убьешь их всех, заберешь добрую женщину и уведешь по реке.

– Убить всех? – Тут уж Олег повернулся к наяде всем телом. – Почему?

– Они плохие люди. Они держат у себя добрую женщину и заставляют ее есть ведьмин гриб.

– Роксалана себя жертвой, как я заметил, не считает.

– Перед закатом ее опять отравят, и ночью она станет танцевать и давать пророчества. Увидев тебя, она может закричать и поднять тревогу. Сон-трава убаюкивает всех по-разному. Многие могут проснуться. Они плохие люди и попытаются тебе помешать. Утром они погонятся за тобой и поймают. Они попытаются тебя убить, а Роксалану снова станут кормить грибами.

– Я понял, – кивнул Середин. – Если вечером я проберусь в юрты и вырежу всех плохих людей – мужчин, женщин и детей, – добро победит зло и восторжествует справедливость. Правильно?

– Да, – согласилась нежить, почему-то не заметив сарказма. А ведь считается духом-покровителем, упырь лесной!

– Может, резать пока не станем? – предложил Олег. – Может, вы с лешим просто погоню закружите, заморочите, чтобы со следа сбилась?

– Когда добрая женщина закричит, поднимется тревога, – напомнила берегиня.

– Я постараюсь тихонечко, – улыбнулся ведун. – Согласись, народу на стойбище очень много. Пока всех перережешь... Долго, муторно.

– Хорошо, – снизошла берегиня, – можешь не резать. Я проведу тебя через густую чащу. Там искать не станут.

– Спасибо, прекрасная наяда, – низко поклонился Середин. – Только имей в виду, ни пустырника, ни сон-травы у меня нет. Не успел запастись. Как у тебя с припасами?

– Трава? – Дама поправила прическу, чуть подпернула подол, спустилась немного по склону. – Пожалуй, она будет расти здесь.

– Секундочку, – встрепенулся Олег. – А-а... морковку ты вырастить можешь?

Леди в парчовом платье улыбнулась кончиками губ, указала пальцем – и прямо у ног ведуна в земле стремительно набухли рыжие пимпочки с резными темно-зелеными хвостиками. Он дернул сразу две – в руках оказались сочные морковины толщиной в три пальца и в пол-локтя длиной.

– Здорово! – Он выдернул нож, быстро счистил грязь вместе с кожуркой, с осторожностью вкусил волшебный плод.

Морковка оказалась сахарной, как переспелая груша, сочной, как молодой огурец, и хрусткой, как свежая капуста.

«Просто сказка, – покачал головой Олег и запоздало подумал: – Дыню нужно было просить. Пока столько моркови съую – челюсть отвалится».

Меж тем лесная наяда продолжала дирижировать над освещенной ласковым весенним солнцем поляной. Словно на ускоренной видеосъемке, ровной полосой из земли поднялась тонкая сочная зелень, набухла, потемнела, выставив под лучи разрезные листья. Удовлетворившись результатом, берегиня сложила руки и вытянула трубочкой губы. Уже через несколько секунд на ветви ближних рябин начали усаживаться мелкие лесные пичуги. Через минуту деревца склонились под тяжестью сотен птиц, а шелест крыльев слился в густой равномерный шум. Взмах – разносортная стая сорвалась с места, спикировала на зеленую полянку, пронеслась над самыми растениями. Каждый клювик отхватил от травы по крохотному кусочку, чтобы тут же унести его вниз по ущелью, и новорожденная «грядка» почти мгновенно превратилась во все тот же голый кусок земли. Разве только покрытый ежиком коротеньких жестких стеблей.

– В этот час злые смертные всегда варят пищу, дабы насытиться перед сном, – сообщила нежить. – Когда солнце сядет, все они будут крепко-крепко спать.

– Тогда и у меня есть немного времени. – Олег снял налатник и бросил его поверх ошипанных под корень стебельков. Расстегнул пояс, растянулся под солнцем.

– Отдохни, гость мой, закрой глаза. – Возникнув рядом, женщина погладила его по голове, провела ладонью по телу, породив волну тепла. – Тебе будет здесь хорошо...

Берегини испокон веков умели создавать ощущение уюта и безопасности для каждого, кто попадал в их владения. Руки нежити, совсем недавно предлагавшей убить сотни невинных людей, несли покой и отдохновение. Середин провалился в сон мгновенно, как в пропасть, поплыл по мягким ласковым волнам, напился нежностью и безмятежностью. И когда он два часа спустя открыл глаза, то ощутил себя отдохнувшим так, словно целую неделю валялся на перине возле теплой деревенской печи.

– Пора, – только и произнесла берегиня.

– Тогда я пошел, – кивнул ведун, опоясался и бодрой трусцой побежал вниз по склону.

Солнце успело уйти за горные кряжи, но его лучи еще подсвечивали небо зловеще-красным цветом. С востока же начинала вскарабкиваться на небосвод пока еще бледная луна. Воздух стал заметно прохладнее, но брать с собой налатник Олег не стал. Лишняя одежда – лишняя тяжесть. Только движения стеснять будет.

Он миновал заросли рябины, пробежал с полкилометра между соснами, обогнул россыпь крупных валунов, перемахнул тонкий ручеек, опять помчался между редкими соснами. Вниз – это вам не в гору забираться. Только ноги успевай переставлять. Впереди показался густой ивняк, за которым открывался широкий, до самых северных отрогов, луг. Здесь лениво выщипывали молодую травку лошади, рядом с ними паслись два десятка овец. Табунщики отдыхали на самом краю, возле слабо тлеющего костра. Ведун повернул к ним. Как можно тише просочился меж низких ив к очагу, бесшумно вытянул меч, поднялся возле пастухов...

Старания были напрасны: трое кочевников безмятежно спали, развалившись вокруг котелка с остатками густого кулеша. От соблазна подкрепиться ведун устоял, но от другого не смог: он подобрал холодный уголек, наскоро нарисовал самому молодому из табунщиков усы

и бородку, пожилому – большие круги вокруг глаз, третьему просто поставил на лоб три крестика, после чего забрал у старших пастухов седла, отошел на луг и принялся ловить лошадей. Двух скакунов посимпатичнее он оседлал, еще пару просто взнуздал, дабы увести в качестве заводных, после чего поднялся в стремя и широкой рысью помчался в сторону стойбища.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.